

Министерство образования и науки Российской Федерации

**Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Оренбургский государственный университет»**

**РОССИЯ, ЕВРОПА И АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Материалы Международной конференции

(12 мая 2016 г.)

Орск 2016

УДК 94
ББК 63.3(о)
Р76

Печатается по решению редакционно-издательского совета Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ

Редакционная коллегия:

Шебалин И. А., кандидат исторических наук, заведующий кафедрой (ответственный редактор);

Вовк И. В., кандидат исторических наук, старший преподаватель;

Коробецкий И. А., кандидат исторических наук, доцент

(кафедра истории, философии и социально-гуманитарных наук Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ)

Р76 Россия, Европа и Азия в контексте историко-культурного взаимодействия : материалы Международной конференции (12 мая 2016 г.) / отв. ред. И. А. Шебалин. – Орск : Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ, 2016. – 100 с. – ISBN 978-5-8424-0826-9.

ISBN 978-5-8424-0826-9

© Коллектив авторов, 2016

© Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, 2016

© Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ, 2016

Содержание

<i>Абдрахманова С. Е., Шушаева А. С.</i> Вклад Новоорского района Оренбургской области в Великую Победу	5
<i>Байденова С. Е.</i> Особенности процесса формирования национальной интеллигенции Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков	9
<i>Баймагамбетова С. И.</i> Переселенческая политика в период проведения Столыпинской аграрной реформы в Казахстане в начале XX века	11
<i>Басенова Ж. С.</i> К вопросу историографии научных обществ Российской империи (XIX – начало XX вв.)	14
<i>Бегимбаева Ж. С.</i> Контент-анализ доклада правителя дел Оренбургского отдела Русского Географического общества по исследованию территории Казахстана (1868-1877 гг.)	17
<i>Браксаторис М.</i> Валашская колонизация и ее влияние на формирование словацкой культурной идентичности	21
<i>Вовк И. В.</i> Российская Федерация и Республика Казахстан в 90-е годы XX века: правовое сотрудничество в оборонной и пограничной сферах	33
<i>Вовк И. В., Афанасьев Д. К.</i> Россия и Британия: имперский опыт противостояния (на примере Дальнего Востока)	37
<i>Ежова Е. Э.</i> Развитие здравоохранения в 20-е – начале 60-х гг. XX в. (на примере г. Орска)	39
<i>Иванова Е. Р.</i> Вопросы патриотического воспитания на уроках литературы в старших классах (из опыта работы в школе)	42
<i>Кашаева Е. А.</i> Идеи итальянского гуманизма и современность	45
<i>Клецова Е. С.</i> Деятельность Исполнительного Комитета Орского городского Совета депутатов трудящихся в социальной сфере в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.	47
<i>Коробецкий И. А., Цембалова С. А.</i> Религиозный подъем в Советском Союзе во время Великой Отечественной войны	51
<i>Коробецкий И. А., Шулина Ю. Л.</i> Орчанки в Великой Отечественной войне	54

Косумов А. А., Бегимбаева Ж. С. Историко-филологический аспект романа-трилогии Ильяса Есенберлина «Кочевники»	60
Кучма Т. А. Фальсификация итогов Второй мировой войны	62
Мусафиров М. К. История становления и развития внешкольного воспитания в Оренбуржье в 50-х годах XX века	66
Мухаметова Э. Н., Свищева В. А. Развитие советского трудового права в годы Великой Отечественной войны	69
Наглова А. А. Системы «Катюша» и «Андрюша»	71
Нижник Е. В. Из истории строительства Орского нефтеперерабатывающего завода № 228	73
Орлова С. Л. Окказиональные обращения в переписке русской интеллигенции начала XX века	75
Садуакас Б. А. История развития коневодства на территории Актюбинской области	79
Соклаков А. Ю. Казачество и евразийство в начале XXI столетия	82
Терехина М. И. Роль международных организаций в системе международных отношений	86
Трофимова Г. П. «Общественный институт» как категория социального анализа	90
Тюряхин И. Н. Из истории культурных контактов Древней Греции и государства Селевкидов	93
Фатыхов М. И., Шепелькова В. К. Уголовное право в годы Великой Отечественной войны: основные тенденции развития	94
Шебалин И. А. Эвакуация, размещение и перестройка деятельности культурно-просветительских, научных и образовательных учреждений на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.	97

Вклад Новоорского района Оренбургской области в Великую Победу

Накануне войны на территории Новоорского района находилось 29 колхозов – это Красная Пресня; Ударник; имени Кирова; Красный Труд; Кзыл-Ту; Бустандык; Джаналык; Джаназан; имени Куйбышева; Профинтерн; Красная Заря; 4-й съезд Советов; имени Ворошилова; имени Сталина; 9 Января; Красный флот; Пробуждение и другие. Колхозы района обслуживались Кумакской, Колпакской и Таналыкской МТС. Также существовали 4 совхоза: имени Горького; имени Кирова; Будамша; Горный Ерик. В распоряжении колхозов и совхозов находилось 15335 гектаров пахотной земли.

Урожайность в районе была низкой. Но, несмотря на это, в годы войны агрономы Новоорского района стремились показать себя с самой лучшей стороны. В. Т. Анисков писал: «Коллектив Колпакской МТС, хорошо понимая свою ответственность за успешное проведение весеннего сева, серьёзное внимание уделял подготовке квалифицированных кадров. Весной 1942 г. у них обучалось 62 человека на курсах трактористов и 28 – на курсах комбайнёров. Из них, на курсах трактористов училось 46 и на курсах комбайнёров – 23 девушки». Данная цитата свидетельствует о том, что все тяготы тыла легли на женские плечи. Очень много трактористов показывало высокие результаты на весеннем севе. Так, тракторист фермы № 7 Клим Солонский систематически выполнял дневную норму выработки на 200 и больше процентов с первых дней весеннего сева. Из этого следует то, что каждый на своём рабочем месте стремился отдать все силы и умения для пользы страны.

Новоорчане, таким образом, своим трудом вместе с солдатами ковали Победу над фашистской Германией. Развивая сельское хозяйство, помогали фронту производством сельхозпродукции.

В начале войны немцы захватили достаточно много экономических районов, что сильно повлияло на материальные возможности Советского Союза. Поэтому в данной обстановке Урал стал основным арсеналом Красной Армии. Промышленные предприятия, эвакуированные с запада страны, усилили индустриальную мощь Оренбургской области.

Одним из эвакуированных заводов стал завод «Спартак». Осенью 1941 г. помещение Кумакской машинно-тракторной мастерской стало опорной базой Днепропетровского металлостамповочного завода. Дни и ночи работали днепропетровцы, возводя новые строения, оборудуя цеха. В январе 1942 г. завод «Спартак» вступил в строй, широко развёртывая выпуск своей продукции и

предметов широкого потребления. Под руководством старых кадровиков завода – главного механика А. К. Нефёдова и начальника технического отдела К. Н. Чурбанова, рабочие соединились в единый заводской коллектив. Именно они обеспечили выполнение и перевыполнение планов. Завод изготовлял вёдра, лейки, чашки, кружки, ложки и такую ценную продукцию, как электроточечные аппараты. На заводе проводили ремонт автооборудования к самолетам. Таким образом, заводские рабочие приближали победу в тылу. Работая для фронта, труженики выполняли задание на 300-500%. Отдавая все свои силы, они старались облегчить солдатам Красной армии борьбу на фронте. Коллективу электроточечного цеха за успешную работу было вручено переходящее Красное знамя ВЦСПС и Наркомместпрома завода.

Кроме завода «Спартак» в районе располагались и другие промышленные предприятия. Существовала промартель им. Кирова. За время войны рабочие промартели отремонтировали и отправили на фронт для солдат Красной Армии 5000 стеганых фуфаяк и брюк, 1500 валенок.

Был на территории района промкомбинат, который выпускал глиняные горшки и чашки. Действовала артель Воронина, которая занималась консервированием продуктов. На фронт отправлялось тыквенное повидло, соленые огурцы и помидоры, многое другое. Также располагались райпромкомбинат, маслозаводы и пуховязальные артели, работали две пекарни.

Можно сделать вывод, что в Новоорском районе в тяжелые годы войны развивалась как легкая, так и тяжелая промышленность. Вся продукция поставлялась на фронт солдатам. Тем самым труженики района вносили свой вклад в Победу.

Новоорский район сделал многое для солдат Красной Армии. Изучая исторические документы и читая газеты того времени, несомненно, каждый увидит, что подвиг советского человека, солдата и труженика, в Великой Отечественной войне бессмертен. Вклад тружеников Новоорского района явился следствием любви к Родине.

В каждом номере районной газеты «Сталинец» публиковались сообщения «От Советского Информбюро» о том, что идут тяжёлые кровопролитные бои. Новоорчане трудились, не считаясь со временем. Они делали всё возможное, чтобы ускорить победу. На первой странице газеты за 19 февраля 1942 года имеются две интересные заметки. Первая называется «13850 рублей 1127 трудодней – на строительство танковой колонны». Именно такую сумму заработали на Всесоюзном комсомольско-молодёжном субботнике новоорчане и перевели их в фонд строительства танковой колонны имени Ленинского Комсомола, а всего в нём участвовало 2500 человек.

Вторая заметка – «Пошлём праздничные посылки нашим доблестным воинам». В ней сообщается о том, что трудящиеся только 18 предприятий, совхозов, колхозов и учреждений района уже направили на фронт 51 праздничную посылку весом в 790 кг. Через день количество посылок дошло до 95. Такие подарки жители Новоорского района посылали в течение всей войны к каждому празднику. Кроме того, трудящиеся района собирали для бойцов тёплую одежду. В заметке «Красным воинам – тёплые вещи» от 23 февраля 1942 года опубликовано, что рабочие района сдали для бойцов 38 тулупов и полушубков, 131 ватную фуфайку, 34 стёганных брюк, 272 пары валенок, 54 свитера и джемпера, 171 пару шерстяных носок, 259 шапок-ушанок, 674 пары варежек и перчаток и много других тёплых вещей. Посылались тёплые вещи, в основном, в партизанские отряды. Комсомольская организация колхоза «Красный флот» собрала для партизан 4 овчины, 5 кг шерсти, 4 кг махорки. Комсомольцы колхоза «Профинтерн» внесли две овчины, 2 кг шерсти, 1 кг махорки, кожаные рукавицы. Еще жители внесли большое количество денег на строительство танковой колонны «Валерий Чкалов».

Славится район своими героями. В Великую Отечественную войну 1500 жителей Новоорского района ушли на фронт и около 500 не вернулись с полей сражений. Это говорит о том, что каждый, у кого была возможность, шел защищать Родину от фашистской Германии. Среди тех, кто прошёл трудными дорогами войны и расписался на стенах рейхстага, были полный кавалер Ордена Солдатской Славы Б. Шушаев, А. С. Кузахметов, гвардии лейтенант С. Г. Ильинкин, сержант Ф. И. Ключин, Е. П. Наследов, И. Е. Васильев. Все они награждены медалью «За взятие Берлина». Всего более 800 новоорчан были награждены орденами и медалями. У. К. Акбауов, А. В. Калачов, Б. Шушаев, В. Е. Ситников были удостоены самого высокого звания – Героя Советского Союза.

Уразак Кстаубаевич Акбауов родился 3 (16) декабря 1908 г. в селе Истемис ныне Домбаровского района Оренбургской области в крестьянской семье. Окончил 7 классов. Членом ВКП(б)/КПСС являлся с 1930 г. В Красной Армии служил с 1931 по 1933 гг. По окончании службы был председателем колхоза в Новоорском районе Оренбургской области. До войны у него была самая мирная профессия – бухгалтер. Но когда началась война и пришлось встать на защиту своей Родины, Уразак в феврале 1942 г. был призван в Красную Армию. В 1943 г. он окончил курсы младших лейтенантов.

Это было на Днепре в 1943 г. Взвод офицера Акбауова в составе батальона перешёл в брод старицу Днепра и укрепился против основной немецкой оборонительной линии под деревней Ясногородкой. Боевая задача была выполнена. Здесь Уразак Кстаубаевич, раненный в левую руку, наотрез отказался от

предложения оставить взвод. Гитлеровцы, разгневанные своим проигрышем, хотели реванша, поэтому бросались в одну атаку за другой. До половины дня 22 сентября батальонам при поддержке авиации и артиллерии пришлось отбить 13 атак противника, но танки были остановлены, и немцы были вынуждены оставить свои укрепленные рубежи.

В последней схватке Уразак Кстаубаевич был ранен во вторую руку и правую ногу, осколком мины сильно царапнуло голову. Четырежды раненный, в течение 12 часов истекающий кровью, Акбауов был доставлен в госпиталь. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1943 года за успешное форсирование реки Днепр и проявленные при этом мужество и героизм гвардии младшему лейтенанту Акбауову Узаруку Кстаубаевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Вскоре Акбауов стал командовать стрелковой ротой.

В марте 1946 г. гвардии капитан Акбауов был демобилизован. После войны жил и работал в посёлке Новоорск. Скончался 30 августа 1985 года. Похоронен на родовом кладбище Баузда Новоорского района.

Бахтубай Шушаев родился 1 января 1916 г. в селе Калинино ныне Адамовского района Оренбургской области в крестьянской семье. Членом ВКП(б)/КПСС стал в 1945 г. Окончил 4 класса. До войны работал трактористом в колхозе. В Красной Армии служил с 1937 по 1939 гг. Службу проходил на монгольской границе, где участвовал в боях у реки Халхин-Гол с японцами и на озере Хасан. В 1942 г. вновь был призван в армию. Защищал Ленинград, освобождал Прибалтику и Польшу, с тяжелыми боями дошел до Берлина. Начинал войну рядовым стрелком, потом пулеметчиком и закончил свой боевой путь командиром отделения разведки.

Старший сержант Шушаев 25 июля 1944 г. в бою на подступах к деревне Ворошилино, расположенной юго-западнее города Пскова, поддерживая наступление стрелкового взвода, подавил два пулемёта противника, а при отражении контратаки вывел из строя свыше десятка гитлеровцев. Приказом по 291-й стрелковой дивизии № 062/н от 1 августа 1944 г. за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками старший сержант был награждён орденом Славы 3-й степени (№ 238970).

Старший сержант Шушаев 26 ноября 1944 г. с группой разведчиков, отражая контратаки противника у хутора Звани, находящегося в 16 километрах южнее города Салдус (Латвия), уничтожил свыше десяти вражеских пехотинцев и захватил ценные документы, за что 13 декабря 1944 г. повторно был награждён орденом Славы 3-й степени. А приказом от 3 июля 1978 г. за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими за-

хватчиками старший сержант Шушаев был награждён орденом Славы 2-й степени (№ 37089).

1 мая 1945 г. в ходе уличных боев в столице гитлеровской Германии – городе Берлине – командир разведывательного отделения 598-го стрелкового полка (207-я стрелковая дивизия, 3-я ударная армия, 1-й Белорусский фронт) старший сержант Б. Шушаев с бойцами отделения проник в здание имперского театра, закрепился там и отражал контратаки противника до подхода подкрепления. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 г. за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками старший сержант Шушаев награждён орденом Славы 1-й степени (№ 2931), став полным кавалером ордена Славы.

В 1945 г. старшина Б. Шушаев был демобилизован. Жил в селе Горьковское Новоорского района. Работал чабаном в совхозе «Орский». Умер герой 30 ноября 1980 г. Похоронен Бахтубай недалеко от села Горьковского на родовом кладбище Баузда.

Имя Бахтубая Шушаева увековечено в веках: в селе Горьковском одна из улиц названа его именем. На доме, где жил ветеран, висит мемориальная доска.

Библиографический список

1. Мячин, Н. И. Орденоносное Оренбуржье : сб. ст. / Н. И. Мячин. – Челябинск, 1968.
2. Футорянский, Л. И. Оренбуржье – Великой Победе / Л. И. Футорянский. – М. :1994.
3. Футорянский, Л. И. История Оренбуржья / Л. И. Футорянский. – Оренбург, 1996.

С. Е. Байденова

*Средняя школа поселка Коминтерн Мартукского района
Актюбинской области, Республика Казахстан*

Особенности процесса формирования национальной интеллигенции Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков

С обретением независимости Республикой Казахстан произошли коренные изменения во всех сферах жизни. Наша страна за столь короткое по историческим меркам время успела заявить о себе как светское государство с развитой экономикой, которое успешно участвует в глобальных интеграционных процессах. В этих условиях возрастают требования к отечественной системе образования, человеческому капиталу, составляющему основу нового качества жизни общества и являющегося важнейшим фактором и базой экономического потенциала и национальной безопасности страны. Это требует появления нового поколения научных и педагогических кадров.

В Послании Президента Республики Казахстан Стратегии «"Казахстан-2050": новый политический курс состоявшегося государства» лидер нации Нурсултан Назарбаев в качестве одного из приоритетов дальнейшего развития страны назвал создание современных и эффективных систем образования. Выдвинутая Президентом страны Стратегия «Казахстан-2050» – это фундаментальный документ, который охватывает весь спектр важнейших направлений развития страны на новом качественном уровне состоявшегося сильного государства, его органичного взаимодействия с мировым сообществом и активного участия в глобальных процессах развития человечества [1, 22-23].

Программа форсированного индустриально-инновационного развития явилась ядром современной инновационной политики и заложила основы нового видения места науки и университетского образования в обществе. Университет, как интеллектуальная среда, формирует неповторимость социально-культурного, политического облика любого государства. С момента зарождения университеты во всем мире являются двигателями развития общества, обеспечивающими наиболее полное раскрытие способностей и талантов молодого поколения.

Анализ деятельности высших учебных заведений Российской империи, исследование роли Казанского университета в формировании национальной интеллигенции Западного Казахстана в XIX веке способствует необходимости глубже изучать историю формирования первых кадров интеллектуальной элиты Западного Казахстана – носителей и двигателей национальных культур.

Казань – центр многонационального Среднего Поволжья. К Казани население Западного Казахстана и Волго-Уральского региона тяготело не только территориально, но и как к научному и культурному центру. Почти вся культурная жизнь города была тесно связана с университетом – научным центром Западного Казахстана и Волго-Уральского региона. Вопрос об открытии в Российской империи новых университетов был фактически осуществлен в первые годы царствования императора Александра I. 5 ноября 1804 года были подписаны утвердительные грамоты двух университетов – Казанского и Харьковского, являвшихся старейшими после Московского университета (1755) [3, 138].

С принятием в 1863 году нового Устава университета, появилась возможность обучаться в высших учебных заведениях и тем лицам, которые прошли обучение в других провинциальных гимназиях. Это давало шанс получить образование в высшей школе и представителям казахского народа. С 70-х годов XIX века до 1917 года в Казанском университете училось 33 казаха, из них 18 – из Тургайской области, 9 – из Внутренней Орды, 2 – из Семиреченской области и по одному человеку из Акмолинской и Уральской областей. Среди студентов университета шесть человек по социальной принадлежности (Махзум Каратаев,

Жансултан Сейдалин, Нурмухамед Айшуаков, Гали-Ахмед Арунгазиев, Салим Нуралиханов, Жансултан Чуваков) относились к султанам, Ахмедбек Балгожин был сыном бия, Ахмед Беремжанов и Эмиржан Бекмухамедов происходили из семей, отцы которых занимали определенные должности в царской администрации. Остальные студенты были детьми рядовых скотоводов [3, 138].

Полный курс Казанского университета окончило 22 казаха, среди них Ж. Ч. Сейдалин С. Суюнучалиев, А. К. Беремжанов – выпускники юридического факультета университета, М. Карабаев – выпускник медицинского факультета и другие [3, 140].

Казанский университет стал очагом демократической культуры, центром развития просвещения многонационального края, оказал большое влияние на культурную жизнь Западного Казахстана в XIX веке, в подготовке первой плеяды национальной интеллигенции тюркоязычных народов.

В современных условиях университет активно влияет на формирование общественного мнения, занимается политическим прогнозированием, научными исследованиями. Университеты играют важную роль в развитии экономики, государства, гражданского общества, предоставляя знания, навыки, идеи и фундаментальные исследования, необходимые любой стране для обеспечения экономического, социального, политического развития и роста.

Библиографический список

1. Назарбаев, Н. А. Стратегия «Казахстан-2050» : новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента народу Казахстана / Н. А. Назарбаев // Наука и образование Казахстана. – 2012. – № 5-6.
2. Спутник по Казани / под ред. профессора Н. П. Загоскина. – Казань : ООО «ДОМО «Глобус», 2005.
3. Султангалиева, Г. С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII-начало XX вв.) : монография / Г. С. Султангалиева. – Уфа : РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002.

С. И. Баймагамбетова

*Средняя школа поселка Борте Мартукского района Актюбинской области,
Республика Казахстан*

Переселенческая политика в период проведения Столыпинской аграрной реформы в Казахстане в начале XX века

В начале XX века на фоне сложных поземельных отношений в Казахстане развернулось проведение Столыпинской аграрной реформы, целью которой было усиление переселенческого движения. 10 июня 1903 года было при-

нято правило «О добровольном переселении на казенные земли в области Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую», предусматривающее изъятие «излишков» земли у местного населения, которое легализовало бывшее фактически незаконным до того заселение этих районов [1, 594].

25 июня 1903 года были приняты «Правила о пособиях от правительства переселяющимся в Сибирь и Степное генерал-губернаторство», определяющие размеры пособий и льгот крестьянам-переселенцам. 6 июня 1904 года были приняты «Временные правила о переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев». Вместе с «Временными правилами» правительство утвердило специальную инструкцию «О порядке определения государственного земельного фонда в областях Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской, Уральской для переселения, а равно иных государственных потребностей», ставшую основной нормативной базой для массового изъятия земли у казахов.

В 1904 году было образовано Переселенческое управление, ведавшее всеми делами по переселению крестьян из центра на окраины. Оно выявляло так называемые «излишки» земель, изымало их у казахов и формировало Переселенческий фонд, из которого выделялись участки переселенцам. В 1905 году Переселенческое управление было включено в состав Главного управления землеустройства и земледелия. Это привело к объединению всех работ по переселению и землеустройству в ведение одной организации.

В течение нескольких лет вся территория Казахстана была разбита на пять переселенческих округов: Акмолинский, Семипалатинский, Тургайско-Уральский, Семиреченский, Сырдарьинский. Во главе района стоял заведующий, который отчасти подчинялся местной администрации в лице генерал-губернатора, а в большей степени – управлению землеустройства и земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ.

Столыпин П. А., председатель Совета министров и министр внутренних дел в 1906-1911 годах, выработал принципы модернизации страны, первым условием которой было сделать крестьянина собственником земли [2, 18].

Суть аграрной политики П. А. Столыпина выражена в трех законодательных актах. Это Указ для рассмотрения Сенатом «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 года. Этот Указ был дополнен и переработан во II Государственной Думе в закон «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении» от 14 июня 1910 года. 29 мая 1911 года был принят закон «О землеустройстве».

Проведение мероприятий по аграрной реформе началось с 1906 года после принятия Указа Сенатом. С 1 января 1907 года отменялись выкупные платежи за наделные земли, которые крестьяне должны были платить при выходе

из общины. Этим было снято главнейшее ограничение для свободного выезда крестьян с мест прежних поселений.

Согласно столыпинским реформам крестьянам разрешалось выходить из общины со своим наделом и образовывать хутора. Особое внимание П. А. Столыпин уделял окраинам империи, в том числе и Казахстану – благоприятному для хлебопашества региону. Системой льгот поощрялось переселение сюда крестьян из России и создание кулацких хозяйств. Под хутора выделялось 45 десятин удобной и 15 десятин пахотной земли. Землеотводным организациям разрешалось выселять местных бедняков и селить на их место крестьян-кулаков. Реформы были направлены на разрушение сельской общины и формирование социального слоя собственников в деревне. Сама идея о развитии фермерства в стране была позитивной [3, 68].

Однако при сохранении помещичьего землевладения вставал вопрос о новых землях для крестьян. В связи с этим начался новый этап переселения русских и украинских крестьян на земли Казахстана. Таким образом, столыпинская аграрная реформа:

- освободила крестьян-общинников и дала им свободу миграции,
- предоставила право личного землепользования,
- ограничила возможность обратного возвращения переселенцев на родину в случае неудачи на новом месте.

Одним из последствий реформы стала массовая миграция крестьянства на окраины, в частности, в Казахстан. Общее количество земель, изъятых в Казахстане для переселенцев, значительно разнится по разным сведениям. Так, по данным, опубликованным в 1917 году компетентным чиновником переселенческих органов В. А. Тресвятским, в Степном крае к 1916 году из 106 миллионов десятин обследованных земель 30 миллионов десятин, то есть около одной трети, было отнесено к так называемым излишкам и предназначалось к изъятию у казахов. Печальным итогом реформы стало массовое обезземеливание казахского населения, обнищание, и, как следствие, возрастание социальной напряженности.

Библиографический список

1. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) : в пяти томах. – Т. 3. – Алматы : «Атамұра», 2000.
2. Пожигайло, П. А. Петр Аркадьевич Столыпин : интеллект и воля / П. А. Пожигайло, В. В. Шелохаев. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005.
3. Рынок и реформы в России : исторические и теоретические предпосылки. – М., 1995.

К вопросу историографии научных обществ Российской империи (XIX – начало XX вв.)

Изучением истории и культуры Казахстана занимались 24 научных общества Российской империи, среди них Оренбургский и Западно-Сибирский отделы Русского Географического общества (РГО), научные общества при Казанском, Петербургском и Московском университетах [3, 4].

В казахстанской историографии имеется ряд значительных трудов, раскрывающих процесс развития исторических знаний по истории Казахстана XIX – начала XX веков. В них выделены этапы изучения истории Казахстана, отражены основные результаты и выводы русской дореволюционной историографии, а также советской исторической школы периода становления и развития в 1920-1980-е годы. Это труды Д. И. Дулатовой, Г. Ф. Дахшлейгера [4, 27], Э. А. Масанова [10], И. М. Козыбаева [8].

Многолетний кропотливый труд по сбору и изучению заметок, статей, записок, монографий русских путешественников, ученых и чиновников царского колониального аппарата по этнографии казахского народа, предшествовал выходу монографии Э. А. Масанова «Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР» [10]. Автором систематизирован обширный историко-этнографический материал, выявлены и описаны многие этнографические работы. Показана огромная роль русских ученых в изучении этнографии казахов. Восстановление биографии лиц, изучавших этнографию казахов, исследователь считал одной из важных задач своих научных изысканий. Ученый уделил большое внимание деятельности Русского Географического общества и его отделений на территории Казахстана, Общества изучения Казахстана по исследованию быта, хозяйств, верований и других сторон жизни казахского общества в XIX – начале XX веков [10, 127-291].

Несомненный интерес при изучении историографии представляет анализ проблем духовной культуры истории Казахстана, представленный в совместном труде Г. Назарбаевой, Х.Эбжанова [11]. Авторы характеризуют период второй половины XIX – начала XX веков в истории Казахстана как «масштабный процесс адаптации казахского общества к рынку» [11, 27].

В казахстанской историографии имеется ряд значительных историографических трудов, раскрывающих процесс развития исторических знаний по ис-

тории Казахстана второй половины XIX века – это труды Э. И. Герасимовой [2], Б. В. Лунина [9], М. К. Басханова [1], С. З. Зиманова [6] и других.

Исследованию трудов Оренбургской Ученой архивной комиссии, вопросов истории Казахстана XIX века в трудах российских офицеров посвящены диссертационные работы казахстанских исследователей С. К. Удербасовой ««Труды» Оренбургской Ученой Архивной Комиссии как источник по истории Казахстана (период деятельности 1887-1917 гг.)», Е. С. Сыздыковой «Вопросы истории Казахстана XIX века в трудах офицеров Генерального штаба Российской империи» [14].

Исследования роли оренбургских научных обществ в историко-этнографическом изучении Казахстана во второй половине XIX века нашли отражение и в зарубежной историографии. Американский ученый Натаниэл Найт отмечает в своей статье «Наука, империя и народность: этнография в Русском географическом обществе, 1845-1855 гг.»: «Русское географическое общество, объединившее в себе географическую, статистическую и этнографическую науки, было вскоре признано Николаем I и осенью 1845 года вступило в российскую академическую жизнь» [12].

В работе японского исследователя Уяма Томокихо развитие казахской общественной мысли и рост самосознания казахской интеллигенции во второй половине XIX века рассматриваются как результат межцивилизационного, межкультурного взаимодействия тюркоязычных народов [15].

Сегодня в казахстанской историографии появились работы, посвященные исследованиям региональной истории, этнокультурных контактов, это фундаментальные труды Г. С. Султангалиевой [13], Ж. С. Есеналиной [5] и других исследователей.

Большой интерес представляет сборник документов и материалов, раскрывающий механизм привлечения представителей казахской родовой знати на службу Российской империи, составленный учеными историками Г. С. Султангалиевой, Т. Т. Далаевой, С. К. Удербасовой [7]. В сборник включены письма и исторические труды представителей казахского чиновничества XIX века: члена-сотрудника Оренбургского отдела РГО султана Т. А. Сейдалина, действительного члена Оренбургского отдела РГО султана С. А. Джантюрина, члена-сотрудника Оренбургского отдела РГО Б. Даулбаева.

Анализ научной литературы показывает, что накоплен значительный фактический материал, характеризующий различные стороны культурной жизни Казахстана XIX – начала XX веков. Однако до настоящего времени историография деятельности научных обществ в историко-этнографическом изучении региона XIX – начала XX веков не являлась предметом специального изучения и требует дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Басханов, М. К. Русские военные востоковеды до 1917 года : биобиблиографический словарь / М. К. Басханов. – М. : «Восточная литература», 2005. – 295 с.
2. Герасимова, Э. И. Просветительская и научная деятельность русских ученых в Казахстане во второй половине XIX столетия / Э. И. Герасимова // Известия АН Казахской ССР, серия общественных наук. – Алма-Ата : Наука, 1981. – № 5.
3. Демешева, Г. А. Казахстан в изданиях научных обществ : библиографический указатель / Г. А. Демешева. – Алматы, 2000.
4. Дулатова, Д. И. Историография дореволюционного Казахстана (1861-1917 гг.) / Д. И. Дулатова. – Алма-Ата : Наука, 1984. – 272 с. ; Дахшлейгер, Г. Ф. Историография Советского Казахстана / Г. Ф. Дахшлейгер. – Алма-Ата : Наука, 1969. – 117 с. ; Его же : В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии. – Алма-Ата : Наука, 1973. – 214 с.
5. Есеналина, Ж. С. Взаимодействие научных обществ Западного Казахстана и Волго-Уральского региона во второй половине XIX – 30-е годы XX веков : монография / Ж. С. Есеналина. – Актобе, 2008. – 272 с.
6. Зиманов, С. З. Роль университетов и научных обществ России в культурном развитии Казахстана XIX в. / С. З. Зиманов // Навеки вместе : к 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. – Алма-Ата : Наука, 1982.
7. Казахские чиновники на службе Российской империи : сборник документов и материалов / отв. ред. Г. С. Султангалиева, сост. Г. С. Султангалиева, Т. Т. Далаева, С. К. Удербаета. – Алматы : Қазақ университеті, 2014. – 418 с.
8. Козыбаев, И. М. Историография Казахстана : уроки истории / И. М. Козыбаев. – Алма-Ата : Рауан, 1990. – 136 с. ; Козыбаев, И. М. Историческая наука Казахстана в 40-80-е годы XX века / И. М. Козыбаев. – Алма-Ата : Қазақ университеті, 1992. – 128 с.
9. Лунин, Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность (конец XIX – нач. XX вв.) / Б. В. Лунин. – Ташкент : Изд. АН УзССР, 1962. – 344 с.
10. Масанов, Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР / Э. А. Масанов. – Алма-Ата : Наука, 1966. – 322 с.
11. Назарбаева, Г. Қазақстан : тарих пен тағдыр. Мақалалар Г. Назарбаева, Х. Әбжанов. – Алматы : «Кітап баспасы» ЖШС, 2003. – 296 бет.
12. Натаниэл, Найт. Наука, империя и народность : этнография в Русском географическом обществе, 1845-1855 гг. / Найт Натаниэл // Российская империя в зарубежной литературе последних лет. Антология / сост. А. И. Миллер, П. Верт, П. С. Кабытов. – М., 2005.
13. Султангалиева, Г. С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.) : монография / Г. С. Султангалиева. – Уфа : РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002. – 262 с.
14. Удербаета, С. К. «Труды» Оренбургской Ученой Архивной Комиссии как источник по истории Казахстана (период деятельности 1887-1917 гг.) : автореферат ... канд. ист. наук : 07.00.09 / С. К. Удербаета. – Алматы, 2010. – 24 с. ; Сыздыкова, Е. С. Вопросы истории Казахстана XIX века в трудах офицеров Генерального штаба Российской империи : автореф...канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. С. Сыздыкова. – Астана, 2000. – 33 с.
15. Tomoniko Uyama. The Geographe of Civilizations: A Spatial Analysis of the Kazakstan Itellicensias Activies from the Mid-Nineteenth to the Early Twentieth Centuru Russes et bachkirs aux XVIII et XVII siecles. – 1994.

**Контент-анализ доклада правителя дел Оренбургского отдела
Русского Географического общества по исследованию территории
Казахстана (1868-1877 гг.)**

Активизация освоения Южного Урала в 1730-1740-е годы привела к учреждению в 1744 году Оренбургской губернии, которая охватывала огромную территорию, составлявшую 444 326 кв. верст [8, 27]. На востоке и северо-востоке Оренбургский край граничил с Сибирской губернией, на северо-западе и западе – Казанской, на юге – Астраханской. Юго-восточная часть была погранична с кочевьями казахов Младшего и части Среднего жузов. Административным центром губернии был город Оренбург.

Имперская политика в отношении окраин всегда вызывала большой интерес у исследователей. Действительно, механизмы встраивания окраин в состав Российской империи, обеспечившие ей стабильное существование как поликультурного общества в течение веков, нуждаются в анализе.

По мнению профессора Любичанковского С. В., одним из классических «опытных полигонов» Российской империи по интеграции окраин в своем составе являлись казахские земли, большая часть которых вошла в состав Оренбургского края в течение XVIII века [6, 198-199]. Изучение региона было связано с возникновением в 1868 году Оренбургского отдела Русского Географического общества [1, л. 27]. К этому времени накопились значительные сведения о крае, но все они были разбросаны по различным книгам и журналам, а интересы экономического и культурного развития края требовали их обобщения. Эта задача и входила в круг вопросов Оренбургского отдела Русского Географического общества, который взял в свои руки инициативу научного изучения северо-западной части Казахстана.

17 декабря 1868 года был представлен доклад Правителя дел Оренбургского отдела Русского Географического общества по исследованию территории Казахстана [2, л. 21-21 об.]. Руководство Оренбургского отдела Русского Географического общества, и в первую очередь его председательствующий Л. Ф. Баллюзек, обозначили задачи отдела. В частности, у Л. Ф. Баллюзека была разработана определенная стратегия развития общества. Он был намерен создать на базе Оренбурга центральный пункт изучения Востока – Азиатское общество, по образцу аналогичных в Лондоне, Бомбее, Калькутте, Париже и

Лейпциге, и сделать его шестым в мире и третьим в России (после Академии наук и Казанского университета) центром ориенталистики [2, л. 21-21 об.].

Кроме того, изучение обширной территории Южного Урала имело значение не только относительно изучения Востока, но и касательно устройства Российской империи. Для этого важно было «привлечь и соединить в одно целое все отделения, хотя бы по себе малозначащие, действующие ныне силы во всей Центральной Азии, на всем протяжении между кругами деятельности Сибирского и Кавказского отделов, если мы возбудим новых деятелей и приищем себе корреспондентов в самых отдаленных местностях Азиатского континента» [2, л. 22-22 об.]. Поэтому, параллельно с официальной политикой Российского государства, Русское Географическое Общество охватывало широкий спектр научных интересов, что позволило ему выполнять функции руководства наукой в масштабе географических знаний того времени.

В докладе Правителя дел Оренбургского отдела Русского Географического общества сообщалось о необходимости командировки ориенталиста в Самарканд [2, л. 24-24 об.]. «Я не буду утруждать вас изложением тех доводов, которые можно привести в доказательство существования знаменитого Самаркандского книгохранилища. В Самарканде без сомнения представляется обильная жатва сведений о востоке, и потому я считаю, что было бы весьма полезно отправить от нашего Отдела ориенталиста в этот город со специальной инструкцией относительно вопросов, на которые он должен будет обратить особенное внимание. Это отправление ориенталиста...может дать весьма значительные результаты» [2, л. 24-24 об.].

Один из особенно важных вопросов, представляемых в докладе, касался изучения Каспийского моря. «Много прошло времени после того как Петр Великий удостоил Парижскую Академию чести видеть ее в числе своих членов, послать ей, составленную по его приказанию первую приблизительно верную карту Каспийского моря, в то время во всем объеме считавшегося в составе Азии» [2, л. 25-25 об.]. «Изучение химического состава воды Каспия, до сего времени вовсе не произведено, и предположение господина академика Бэра, что вода в Каспийском море постоянно сгущается от испарения, вследствие чего вредно действует на животную жизнь в этом море, есть ничто иное как остроумная гипотеза [2, л. 25-25 об.]. Весьма естественно, что при этих обстоятельствах и при важности этого вопроса относительно благосостояния прибрежных к Каспию стран, представляется весьма серьезное значение в составлении в нашем отделе Особой Комиссии, которая бы имела своей целью подробное изучение Каспийского моря во всех отношениях, и составила бы новую, соответствующую современным требованиям науки, карту этого моря. Комиссия должна будет снарядить несколько экспедиций для разрешения во-

просов, и по мере средств которые ей будут предоставлены, она более или менее быстро может окончить свой труд» [2, л. 26-26 об.].

Большое значение в докладе Правителя дел Оренбургского отдела Русского Географического общества отводилось изучению вопроса об исследовании так называемого старого русла Аму-Дарьи. В 1864 году Совет Географического общества занимался обсуждением вопроса об экспедиции на Аму-Дарью [5, 51-52]. «В записке, составленной в то время Г. Григорьевым, были собраны главнейшие свидетельства о том, что Аму-Дарья некогда впадала в Каспийское море, а также собирались сведения о существовании плотины близ Куня Ургенча, которая по видимому препятствует водам Аму-Дарьи течь в их прежнем направлении. Задачи представляющиеся для ученой экспедиции в тех краях составили бы съемки Туркменской степи, к югу от Усть-Урта, а нивелиров к той полосе ее, которая находится между Балканским Заливом и границей Хивинского оазиса, на конец в подробном описании старого русла Аму-Дарьи и всех существующих на этом пространстве остатков, свидетельствующих о прежней его населенности» [2, л. 27-27 об.].

В 1867 году в Совете Географического общества вторично обсуждался этот вопрос [7, 48-49]. «Большинство членов Комиссии полагало, что для осуществления ученого предприятия необходимо, что бы экспедицию сопровождала значительная военная сила, но и то, что бы работы экспедиции были обеспечены предварительным занятием устья Аму-Дарьи сильным военным отрядом и одновременною посылкою парохода в Балканский залив Каспийского моря» [2, л. 28-28 об.]. «Когда будет выполнена эта первая рекогносцировка местности, то, для второй, настоящей съемочной экспедиции, и Географическое Общество и Правительство в лице Министерства военного и финансов, явятся на помощь к нашему Отделу, точно также как различные Министерства не раз содействовали самому Географическому Обществу в предпринятых им экспедициях» [2, л. 29-29 об.].

В докладе Правителя дел Оренбургского отдела Русского Географического общества обсуждался вопрос об источниках горного масла и горного воска на острове Челекен [4, 37]. В докладе сообщалось «...существование этого неисчерпаемого богатства минерального светильного вещества, которым пропитана вся почва на острове Челекен и на окрестном материке. По словам бывшего на месте господина Галкина прииски горного масла называются «Лошадь» и считаются принадлежностью Туркменского семейства Киатова... известно об этом нефтяном месторождении, то есть относительно изобилия горючего вещества. Вопрос этот представляет громадное промышленное значение. Если бы разработка этого вещества могла бы производиться рационально и промышленно, тут может возникнуть промысел, могущий изгнать со всех Ев-

ропейских рынков американский Петролеум который как было неопровержимо доказано, не может быть доставлен в Европу менее как за 2 доллара пуд, цена громадная в сравнении с той, по которой может продаваться Челекенская нефть. Исследование этой местности на Каспийском море вполне достойно внимания» [2, л. 30-30 об.].

В разделе по изучению территории казахов главное внимание обращалось на изучение Илецкого соляного месторождения [2, л. 31-31 об.]. Научное исследование Илецкого соляного пласта, представляет задачу вполне достойную Оренбургского отдела Русского Географического общества [2, л. 32-32 об.].

Изучение распространения черноземной полосы в Оренбургской губернии представляет значительный научный интерес для Оренбургского отдела Русского Географического общества [2, л. 33-33 об.]. В докладе Правителя дел отмечалось «изучение распространения этого слоя, в Оренбургской губернии, будучи связано с подробным исследованием флоры нашей губернии может принести значительную пользу. Оно не требует больших расходов и может быть Отдел наш найдет возможность снарядить маленькую экспедицию и для этой цели» [2, л. 43].

Контент-анализ доклада правителя дел Оренбургского отдела общества показывает, как вели углубленное изучение природных богатств Казахского края, поликонфессионального и полиэтничного региона Российской империи. Таким образом, разносторонняя научно-исследовательская деятельность Оренбургского отдела Русского Географического общества на территории западного региона Казахстана позволяет считать его Оренбургский отдел первым научным учреждением края, действовавшим с 1868 года по 1919 год [3, 50-51].

Библиографический список

1. ГАОрО Ф. 94, Оп. 1, Д. 2.
2. ГАОрО Ф. 94, Оп. 1, Д. 8.
3. Есеналина, Ж. С. Взаимодействие научных обществ Западного Казахстана и Волго-Уральского региона во второй половине XIX – 30-е годы XX веков : монография / Ж. С. Есеналина. – Актобе : Принт-А, 2008.
4. Записки Географического общества. Выпуск I, 1867.
5. Записки Императорского Русского Географического Общества 1864 г. Кн. 2-я.
6. Любичанковский, С. В. Контент-анализ протоколов Государственного совета, посвященных донесениям Игельстрома по проблеме интеграции казахских земель в состав Российской империи (1787-1790) / С. В. Любичанковский // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII-XIX веков : сравнительно-исторический анализ политики Российской империи : сборник научных статей / отв. редактор Г. С. Султангалиева. – Алматы : «Казак университеті», 2015.
7. Отчет Императорского Русского Географического общества за 1867 г.
8. Султангалиева, Г. С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.) : монография / Г. С. Султангалиева. – Уфа : РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002.

Валашская колонизация и ее влияние на формирование словацкой культурной идентичности

Словацкая этнолингвистическая идентичность, упрощенно говоря, формировалась на основе миграционного перекрывания и последующей интеграции южных славян с основным западнославянским населением, которые происходили начиная с V века вплоть до ассимиляции паннонских славян после прихода венгров в Паннонскую низменность. Интерпретации незападнославянских элементов в словацком языке в рамках расширенного понимания миграционно-интеграционной теории Рудольфа Крайчовича автор посвятил отдельную работу [1], настоящая статья рассматривает происхождение, характер и влияние валашских элементов на формирование словацкой культурной идентичности.

Слово «валах» (влах, волох) очевидно германского происхождения; его первичное значение было «галл», а позже – романизированный кельт, римлянин, иностранец [2]. Сербы первоначально называли влахами не только румынских пастухов, но и романских горожан, итальянцев [3]; в польском языке слово «Włochy» имеет значение «Италия», а для обозначения северной Италии выражение «Влахи» зафиксировано и в «Житии Мефодия» [4]. Однако это слово постепенно приобрело значение этнонима, распространяющегося на романское население Балканского полуострова, которого оно затем лишилось в последующих периодах, связанных с миграцией, прежде всего, в славянскую этническую среду. Так как валахам был свойственен определенный образ жизни и обеспечения средств к существованию, их обозначение постепенно приобрело и другие смыслы. Влахи вели полукочевую жизнь, основанную на трансгуманции (отгонное животноводство; регулярный перегон стад между низменными и горными областями), во время их миграции к ним присоединялись и другие этнические группы, включая русинов, украинцев, поляков и словаков) [5]. Термин «валашское право» (см. ниже) не имеет этнического значения, а обозначает признанные права и привилегии, связанные с пастушеством, скотоводством и охраной дорог и границ [6]. Однако в верхневенгерских областях (в Словакии) каждый валах (первоначально румын) был пастухом, исповедовал православную веру и на него распространялось действие валашского права; вследствие этого наименование «валах» стало названием как для пастуха, так и для члена валашской общины и православного христианина; речь при этом могла идти о лицах словацкой, русинской, а также польской, чешской, немецкой, цыганской и другой этнической принадлежности [7]. Миграция валахов на

север от Балканского полуострова сопровождалась постепенной потерей ими собственной этничности, формированием различных смешанных языковых и этнических идентичностей и их позднейшей ассимиляцией. Валахи перенимали язык и этническую идентичность народов, с которыми они смешивались, при этом оставляя в языках и культурах этих народов явные следы. Чем западнее и севернее продвигалась колонизация, тем больше она утрачивала романский характер, и в ней начинало преобладать присутствие славянских народов [8]. Венгерские документы того времени говорят о валахах-русинах, позже только о русинах, поэтому можно говорить о русино-валашской колонизации [9]. Термин «Ruthenus» в Венгрии часто взаимозаменяется с термином «Valachus» как синонимичный [10], хотя в это время на основании валашского права венгерские территории заселялись прежде всего смешанным русино-румынским населением. Валашское право при этом было доступно практически каждому, кто хотел ему подчиниться и чьим потребностям оно соответствовало, независимо от того, был ли это румын, русин или колонист другой национальности; сами колонисты стремились подчиниться этому праву ради преимуществ, которые оно предоставляло в сравнении с положением обычных крестьян [11]. В современном словацком языке слово «valach» имеет значение «пастух овец» или «помощник главного пастуха» [12], вне зависимости от этнической принадлежности. Следовательно, наименование «валах» не является в Карпатах подтверждением румынской национальности, как и на Балканах [13], где этим словом обозначали не только разные национальности (сербы так называли румын, хорваты так называли сербов...), но слово «валах» приобретало значения, связанные со способом добывания средств к существованию и положением, независимым от национальной принадлежности [14]. Так как этнические валахи исконно занимались почти исключительно скотоводством, сербы начали этим словом называть пастухов; далее значение слова расширилось на земледельцев [15], а позже включило селян в противопоставлении к горожанам [16]. Валашская идентичность была в Венгрии и на Балканах связана с христианством и православием [17]; балканские католики словом «валах» называли православных сербов [18], а в северной Венгрии (в Словакии) так называли православных русинов [19]. При этом валашская колонизация дала новый импульс для православия в Венгрии [20] и для обновления значительно ослабленной и маргинализированной кирилло-мефодиевской традиции, существовавшей в то время уже лишь в некоем подобии религии бедных, без поддержки в правящих слоях [21].

Если валахи, мигрирующие на север и на запад (на Украину, в Польшу, в Словакию и в Моравию), постепенно теряли свою лингвоэтническую идентичность, балканские валахи в значительной мере сохраняют наречия восточно-романского характера. В юго-восточной Европе с валашскими предками соотно-

сит себя дакороманская идентичность (23 664 640 человек в Румынии, Молдавии, Украине, Сербии, Венгрии и Болгарии) [22], арумынская или цинцарская (500 000 человек в Греции, Албании, Румынии, Македонии, Болгарии и Сербии) [23], мегленорумынская (5 000 человек в Греции и Македонии) [24] и истрорумынская (1 200 человек на полуострове Истрия в современной Хорватии) [25].

Происхождение валахов. Происхождение валахов связано с этногенезом румын. В этом вопросе существенна гипотетическая линия Иречека [26], согласно которой Балканы распадаются на северную часть с доминирующим латинским влиянием и на южную часть с доминирующим греческим влиянием. Таким образом, валахи, происходящие с территории на север от линии Иречека, считаются румынами, а валахи, происхождение которых локализуется к югу от линии, – арумынами; то есть валахи находились как к северу, так и к югу от линии. В вопросе этногенеза румын существуют две главные теории. Первая из них называется теорией континуитета дако-римлян, а вторая – миграционной теорией. Кроме этих теорий существуют и другие объяснения происхождения валахов.

Теория континуитета дако-римлян. Согласно этой теории, валахи на территории Румынии являются автохтонным населением, сформировавшимся в результате смешения коренного дакийского населения с римскими колонистами. В начале II века н. э. римские легионеры заняли населенную даками низменность в нижнем течении Дуная, ограниченную Южными Карпатами, находящуюся на территории современной Румынии; это заставило даков отступить в малодоступные горы [27]. В горных долинах они основывали небольшие поселения, кормились содержанием овец и производством изделий из шерсти, кожи и овечьего молока. После того, как римляне в конце III века ушли из этой области, она стала целью атак со стороны гуннов, аваров и германских племен. Поэтому у пастухов, изолированных в высокогорьях, не было причин возвращаться на плодородные низменности, наоборот – их количество в горных областях возрастало [28]. В отношении народов, покоренных римлянами, прижилось обозначение «влахи», «валахи», которое позже вобрало в себя другие значения и им стали называть горных пастухов [29]. О дакийском происхождении валахов свидетельствует и лексика, которую принято считать дакийским субстратом; дакийское происхождение релевантного количества слов можно констатировать и для множества лексических единиц, общих для румынского и албанского языка [30], для которого приходится предполагать иллирийское происхождение. Для значительного числа единиц упомянутой субстратной лексики характерны сатемные рефлексy праиндоевропейских велярных. При этом существует мнение, что дако-фракийские и иллирийские наречия представляли собой самостоятельную ветвь индоевропейского языка и отличались примерно

в такой же степени, как чешский от словацкого или испанский от португальского [31].

К сторонникам гипотезы о том, что румыны – это автохтонное население Румынии и Семиградья, потомки дакийских колонистов, относился румынский лингвист, историк, поэт и представитель национального возрождения Георге Шинкай [32]. Шведский лингвист и историк Ганс Эрих Тунманн, относящийся к протагонистам идеи фракийско-иллирийского единства, выдвинул на основе лингвистических аргументов теорию о древнем фракийском происхождении валахов, причем обширность горных областей была для него аргументом в пользу возможности выживания преддунайских валахов [33, 34].

Одну из версий теории наглядно представляет следующая карта [35] (рис. 1):

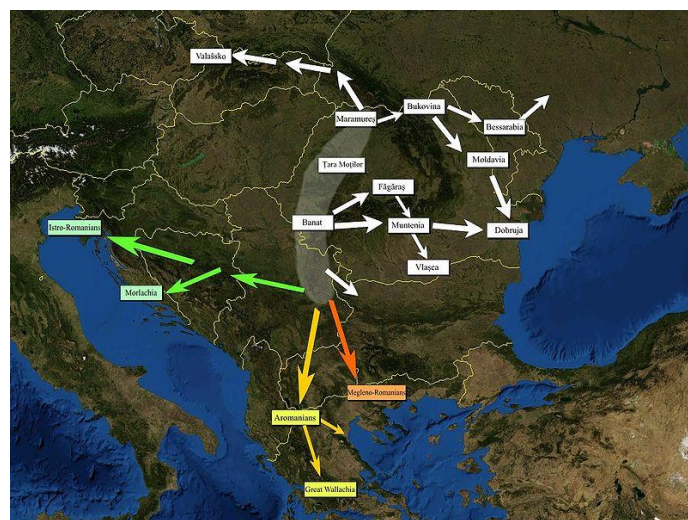

Рис. 1

Миграционная теория. В соответствии с этой теорией после покорения Дакии Траяном коренное население было истреблено (Аврелианом после 271 н. э.) и, соответственно, не могло быть в период римской колонизации (106-271 н. э.) романизировано, а впоследствии стать основой для продолжающего существовать этноса. Бенедек Янчо критикует теорию континуитета дако-римлян, причем он утверждает, что она возникла при дворе этнического румына Маттиаша (Матяя) Корвина в кругу гуманистов в окружении корвинского историка Бонфиния, который был этническим итальянцем [36]. Мнимая предвзятость теории континуитета аргументируется политической борьбой румын за получение равноправия и сводится к политическим аспектам этой теории [37]. Австрийский историк и романист Франц Иосиф Зульцер выступил с теорией [38] о том, что румыны в Семиградье, Валахии и Молдавии не являются коренным населением, а переселились сюда с Балканского полуострова. В защиту этой теории он приводит аргументы о смешанном характере румынского языка (включая сходство с албанским), свидетельства об истреблении коренного

населения со стороны Аврелиана после 271 н. э., отсутствие исторических подтверждений дальнейшего существования этого населения вплоть до времени первых исторических известий о румынах в Семиградье, систематические атаки варварских племен на эту территорию в течение 700 лет и отсутствие значительных языковых следов контактов с ними, или исторических упоминаний, свидетельствующих о контакте с ними и т. п. [39, 40] Миграционную теорию наиболее полно развил австрийский историк и географ Эдуард Роберт Рёслер [41]. Следует заметить, что упоминаемая теория возникла во время борьбы румын за защиту своих прав на Семиградье и ее политической целью было доказательство отсутствия исторических прав румын на эту территорию со стороны австрийских и венгерских элит.

Один из вариантов упоминаемой теории наглядно отражает следующая карта [42] (рис. 2).

Латинистическая теория. Латинистическая теория предполагает, что валахи преимущественно являются потомками римских колонистов, лишь в незначительной степени смешавшихся с остатками дако-фракийского, позже германского и славянского населения, на язык и культуру которых наслоились дако-фракийские, византийско-греческие и южнославянские элементы и влияния. В пользу этой теории говорит тот факт, что румынский язык сохранил свой романский характер даже в условиях изоляции от других романских языков, а также то обстоятельство, что большая часть дако-фракийского населения была в начале II века уничтожена римлянами. О римском происхождении румын упоминал уже Лаурентиус Топпельтинус [43] и Димитрий Кантемир [44]. В чистом виде теорию развил Аугуст Требониу Лауриан, который свою румынскую историю [45] начинает от основания Рима в 753 г. до н. э., а румын считает прямыми преемниками римлян. Для «преемственности» он поддерживал очищение румынского языка от нелатинских элементов. Указанная пуристическая теория, естественно, не подходит для объяснения характера валашских влияний в словацком пространстве, о чем свидетельствует и тот факт, что валашская лексика, воспринятая словацким языком (так называемые лексические карпатизмы), как правило, не имеет латинского происхождения.

Рис. 2

Валашская колонизация. «Валашская колонизация» – это термин, которым называют заселение земель Карпатской дуги, включая Словакию, которое проходило в XIII-XVII веках [46, 47, 48] на основе валашского права. Как известно, валахи располагали в Польше, Словакии и Моравии определенной автономией [49], пределы которой на разных территориях значительно отличались. Правовые нормы и обычаи, регулирующие права и обязанности валашского населения в Польше и Венгрии [50], традиционно принято обобщенно называть валашским правом («*Ius valachicum*», «*Ius valachorum*») [51, 52]. Валашские пастухи и крестьяне приглашались на пустующие земли с целью их заселения [53]. Их привилегии часто подтверждались тогдашними правителями, причем наиболее значимыми были привилегии, предоставленные в 1474 году оравским и липтовским валахам Маттиашем Корвином [54]. «*Ius valachorum*» был по существу правом немецким («*Ius teutonicum*»), примененным к пастушескому образу жизни [55]. Толчком для валашской колонизации было стремление правителя и землевладельцев повысить доходы от своего имущества. При избытке лесов дерево не представляло для землевладельцев почти никакого источника доходов; зато валахи со стадами овец и коз были новым ресурсом, для развития которого с целью привлечения валахов землевладельцы отказывались от доходов иногда и на несколько лет [56]. К обычным привилегиям валашского права относилось освобождение от оброка на период от 3 до иногда и 24 лет и признание их самостоятельной юрисдикции во главе со священниками, воеводами, а также выведение их из-под действия государственных законов (*exemptio*). При следующей фазе валашской колонизации

(пастушеско-земледельческой), когда среди указанных привилегий было и закрепление за ними передаваемых по наследству земель, при распределении площадей не забывали и о священниках и церкви. Валахи брали на себя обязанности также военного и охранного характера, платили верховной власти оброк в натуральной форме: двадцатую часть от овец, сыра, меха и т. п., как правило, платили и деньгами. Но валашский оброк был всегда ниже, чем оброк оседлых подданных, главным же преимуществом валахов было то, что на них не распространялась обязанность обрабатывать барщину [57]. Словацкий историк Петер Раткош пишет, что венгерское дворянство уже в 1465 году освободило поселенцев по валашскому праву от уплаты государственного налога (*lucum camerae-tributum*), это установление было нарушено только во времена турецкой экспансии. Также и православное валашское население было освобождено от уплаты церковной десятины по постановлению сейма в конце XV века. Это было, главным образом, румынское, сербское, русинское и словацкое православное население. Подати среди них собирали миряне-наемники церковных сборщиков налога, причем это была не десятина от урожая, как у населения, подчинявшегося традиционному или эфитевзическому праву, а лишь одна пятидесятая (2%-ный налог) от поголовья [58].

Валахи прибывали на территорию Словакии двумя потоками: южный поток направлялся из Украины через восточную Словакию в области центральной Словакии, в то время как северный поток шел с Украины через горы, образующие границу между Польшей и Словакией; оба потока в конце XV столетия достигли восточной Моравии [59]. Колонизация северной Словакии проходила в последней трети XIII века, в области Спиш валахи-русины начали селиться после 1270 года, в следующих столетиях их количество нарастало [60]. С конца XVI века в результате усиления крепостничества они постепенно теряли свои права [61]. У валахов, которые прибывали в Словакию с территории современной Украины, уже была смешанная украино-румынская или русино-румынская идентичность. Как пишет лингвист Рудольф Крайчович [62], в XIV-XV веках валахи были приглашены в Словакию с целью развития овцеводства и его отгонно-пастбищной формы. В наибольшей степени миграция в Словакию происходила во время правления Маттиаша Корвина (1458-1490) и Людовита II (1516-1526). Поселенцев приглашали, прежде всего, на малозаселенные территории, где на определенное время они получали важные привилегии; были освобождены от обязанностей подданных, не платили церковную десятину (не принадлежали к римско-католической конфессии) и не должны были обрабатывать барщину (работать в господском хозяйстве, на полях, которые обрабатывали подданные). При этом они были обязаны охранять дороги, границы, проходить воинскую службу, ловить разбойников и платить десятину с мяса и сы-

ра. Валахи селились не только на территориях Шариша, Спиша, Оравы, Липтова, Кисуц и Турца, но и, например, в Гемере, Погронье, Поважье и Понитрье; при этом их колонизация коснулась и культурно повлияла на почти 70% территории Словакии. Как указывает Крайчович [63], в словацкий язык от них перешла лексика, касающаяся овцеводства и отгонно-пастбищного животноводства, которая сохранилась в языке до наших дней. Многие из этих слов с точки зрения их распространенности выходят за границы словацкого языка и называются карпатизмами. К таким словам валашского происхождения относится слово «баџа» (главный пастух овец; хозяин на стойбище), «valach», «fuĵara» (поперечная флейта с тремя отверстиями), «ĵinĵisa» (вареная сыворotka из овечьего молока), «bryndza» (брынза) или «grŭň» (горный склон, годный для выпаса овец) [64].

Как указывает этнолог Ян Ботик, бóльшая часть элементов валашской пастушеской культуры имеет общекарпатский характер, при этом для многих из них можно определить более точное региональное (например, семиградское, восточнокарпатское, закарпатское) или этническое (например, румынское, украинское, гуральское; русинское; гуцульское, лемковское) происхождение [65]. Заселение Польши, Словакии и Моравии валахами (с восточного направления) закончилось в XVII веке, когда перестали действовать привилегии, вытекающие из валашского права, и когда это изначально русино-румынское население слилось с местным населением и как его часть определялось уже только способом добычи средств к существованию и стилем жизни, а также определенной культурной спецификой; срубными постройками на хуторах, одеждой, музыкой, фольклором с пастушеской и разбойничьей тематикой и лексическими особенностями. Валашская колонизация повлияла на словаков, но особенно на русинов, гуралей [66] и моравских валахов [67], которых обычно обобщенно называют гуралами (в широком смысле). Как констатирует Ян Ботик, валашская колонизация важна для объяснения происхождения русинов в Словакии [68] (ср. информацию выше). В XIII и XIV веках было не сложно найти пастухов или поселенцев, так как свободная и легкая валашская жизнь манила подневольный люд, о чем свидетельствуют частные запреты набирать крестьян и челядь с одного владения на другое среди валахов. Эти запреты не слишком соблюдались, прежде всего потому, что в XIV и XV веках ухудшалось социальное положение крестьян, которые в 1514 году были по закону о крепостном праве прикреплены к земле. Это вынуждало новых колонистов нанимать неприветливых русинов [69]. Вследствие валашской колонизации на территории Словакии образовались русинские сообщества, современное состояние которых отражает следующая карта [70] (рис. 3).

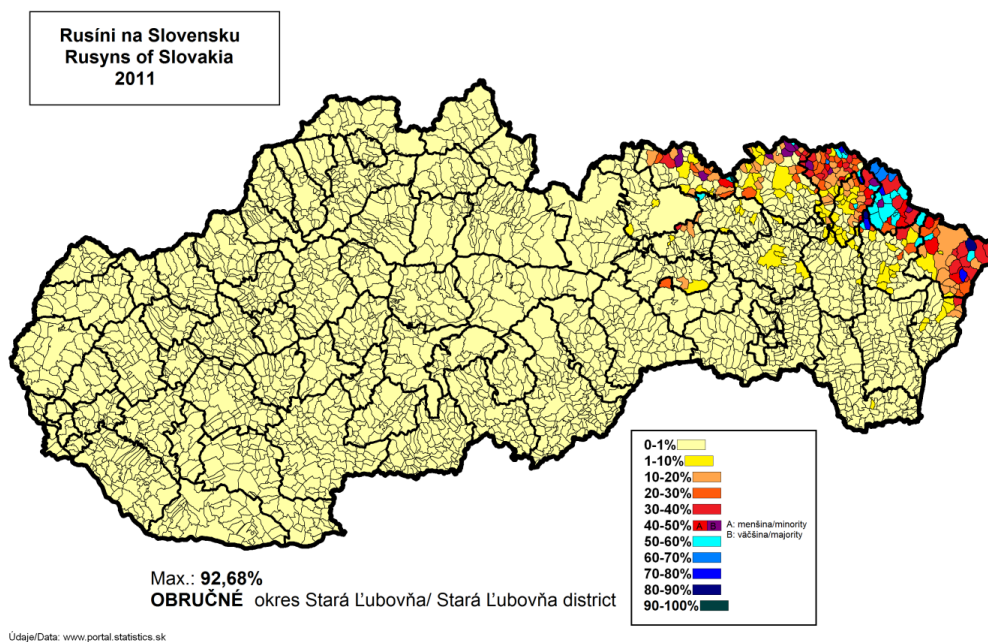

Рис. 3

Другую группу гуралей представляют собой гурали в польско-словацком пограничье. В качестве средства коммуникации они используют гуральские наречия, которые возникли в результате переслоения польского и словацкого языков с лексическими карпатизмами [71]. К интересному заключению пришли польские антропологи, которые в 60-х годах XX века с помощью антропологических измерений черепов неуспешно пытались доказать польское происхождение гуралей на севере Спиша, населенные пункты которого были присоединены к Польше; сокрушительное большинство исследованных ими образцов обнаруживало динарские черты, типичные для жителей Балкан [72]. Подобным образом проведенное недавно генетическое и эволюционно-антропологическое исследование среди моравских валахов показало, что валахи в Моравии близки популяциям в Польше, Македонии и Румынии и что странами их происхождения были Польша, Словакия и, вероятно, Украина и Румыния [73].

Заключение. Как видно из предшествующего текста, помимо возникновения самостоятельных этнических или субэтнических групп, валашские языковые и культурные импульсы воспринимал и, так сказать, адаптировал словацкий этнос. Среди типичных словацких духовных артефактов и предметов культурного наследия, которые неразрывно связаны с валашской колонизацией, мы находим разбойничьи песни, деревянные срубы и стойбища, валашку (традиционный топорик карпатских горцев), детвянский национальный костюм, фуяру, галушки с брынзой, оштъепок (копченый овечий сыр яйцевидной формы) и жинчицу. При этом оказывается, что элементы валашской духовной и материальной культуры относятся к самым красивым элементам словацкого

народного искусства. В заключение можно констатировать, что ядро языковой и культурной идентичности словаков формировалось путем постепенного наслоения разнородных элементов на западнославянскую основу. В ходе наслоения южнославянских элементов на западнославянскую основу с последующей интеграционной и конститутивной фазой сформировалась в период раннего средневековья словацкая языково-этническая идентичность, в то время как в результате наслоения валашских культурных элементов на существующую словацкую культурно-этническую базу было сформировано то, что мы считаем типичным в словацкой культуре. И когда мы читаем слова представителей словацкого национального возрождения о подтатранском словацком народе, мы должны помнить, что область центральной Словакии под Татрами в полной мере затрагивают как незападнославянские языковые явления, так и культурное влияние валашской колонизации.

Библиографический список

1. BRAXATORIS, Martin, ONDREJČÍK, Michal: Východiská a optimálna podoba prístupu SR k maďarskej národnostnej menšine. In: DespiteBorders.com, 28. 9. 2014. URL: <http://despiteborders.com/vychodiska-a-optimalna-podoba-pristupu-sr-k-madarskej-narodnostnej-mensine>
2. ср. ŠAFAŘÍK, Pavel H Josef: Slovanské starožitnosti. sv. 1. Praha : V. Tempský 1982, S. 269, 416
3. KADLEC, Karel: Valaši a valašské právo v zemích slovanských a uherských. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění 1916, S. 3
4. «Яко Божию милостию съдрави есмь, и суть въ ны въшьли учителя мнози, крѣстьяни из влахъ и из грѣкъ и из нѣмьць, учаще ны различь, а мы словѣни проста чадь и не имамъ, иже бы ны наставиль на истину и разумъ съказаль. То, добрѣи владыко, посьли такъ мужь, иже ны исправить всяку правьду»
5. KEČKA, Roman: Kresťanstvo byzantsko-slovanského obradu na Slovensku v 9. – 17. storočí // Medzi Východom a Západom : multikultúrne procesy, migrácia a náboženstvo v strednej Európe. Bratislava: Chronos 2014, S. 50
6. KEČKA, Roman: Kresťanstvo byzantsko-slovanského obradu na Slovensku v 9. – 17. storočí // Medzi Východom a Západom : multikultúrne procesy, migrácia a náboženstvo v strednej Európe. Bratislava: Chronos 2014. S. 50
7. HALAGA, Ondrej Richard: Slovanské osídlenie Potisia a východoslovenskí gréckokatolíci. Košice: Východoslovenský kultúrny spolok Svojina 1947. S. 69
8. KEČKA, Roman: Kresťanstvo byzantsko-slovanského obradu na Slovensku v 9. – 17. storočí // Medzi Východom a Západom : multikultúrne procesy, migrácia a náboženstvo v strednej Európe. Bratislava: Chronos 2014. S. 51
9. EČKA, Roman: Kresťanstvo byzantsko-slovanského obradu na Slovensku v 9. – 17. storočí // Medzi Východom a Západom : multikultúrne procesy, migrácia a náboženstvo v strednej Európe. Bratislava: Chronos 2014. S. 51
10. HALAGA, Ondrej Richard: Slovanské osídlenie Potisia a východoslovenskí gréckokatolíci. Košice: Východoslovenský kultúrny spolok Svojina 1947. S. 70
11. HALAGA, Ondrej Richard: Slovanské osídlenie Potisia a východoslovenskí gréckokatolíci. Košice: Východoslovenský kultúrny spolok Svojina 1947. S. 69 – 70
12. Slovník slovenského jazyka. V. V – Ž. Red. Š. Peciar. 1. vyd. Bratislava: Vydavateľstvo SAV 1965. 848 s. <http://slovník.juls.savba.sk/?w=valach&s=exact&c=d425&d=sss2&d=peciar&d=psken&d=noundb&ie=utf-8&oe=utf-8#>

13. HALAGA, Ondrej Richard: Slovanské osídlenie Potisia a východoslovenskí gréckokatolíci. Košice: Východoslovenský kultúrny spolok Svojina 1947. S. 69-70.
14. KADLEC, Karel: Valaši a valašské právo v zemích slovanských a uherských. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění 1916, S. 6, 7, 8.
15. KADLEC, Karel: Valaši a valašské právo v zemích slovanských a uherských. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění 1916, S. 4.
16. Vuk Karadžić, knjiga Srpski rječnik istumačen njemačkijem i latinskijem riječima, Beograd 1898., 70.
17. KADLEC, Karel: Valaši a valašské právo v zemích slovanských a uherských. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění 1916, S. 16.
18. KADLEC, Karel: Valaši a valašské právo v zemích slovanských a uherských. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění 1916, S. 6, 7, 8.
19. BIDERMANN, Hermann Ignaz: Die ungarischen Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte. II. Theil. erstes Heft. Innsbruck: Wagner, 1867. S. 84, pozn. 2.
20. KONEČNÝ, Stanislav: Rusíni v prelomoch dvoch tisícročí // PLÍŠKOVÁ Anna (ed.): Rusínska kultúra a školstvo po roku 1989 (Zborník vedeckých a vedecko-populárnych príspevkov I.). Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, Ústav rusínskeho jazyka a kultúry Prešov 2008. S. 9.
21. См. KEČKA, Roman: Kresťanstvo byzantsko-slovanského obradu na Slovensku v 9. – 17. storočí // Medzi Východom a Západom : multikultúrne procesy, migrácia a náboženstvo v strednej Európe. Bratislava: Chronos 2014. S. 51.
22. Romanian // Ethnologue. Languages of the World. URL: <http://www.ethnologue.com/language/ron>.
23. Parliamentary Assembly of the Council of Europe. Recommendation 1333 (1997) on the Aromanian culture and language
24. Romanian, Megleno // Ethnologue. Languages of the World. URL: <http://www.ethnologue.com/language/ruq>.
25. Romanian, Istro // Ethnologue. Languages of the World. URL: <http://www.ethnologue.com/language/ruo>.
26. JIREČEK, Konstantin: Geschichte der Serben. Band 1: Bis 1371. Gotha: F. A. Perthes 1911, 482 s.
27. ŠTIKA, Jaroslav: Valaši a Valaško: o pôvodu Valachů, valašské kolonizaci, vzniku a historii moravského Valašska a také o karpatských salaších. Rožnov pod Radhoštěm: Valašské muzeum v přírodě 2007. S. 23.
28. ŠTIKA, Jaroslav: Valaši a Valaško: o pôvodu Valachů, valašské kolonizaci, vzniku a historii moravského Valašska a také o karpatských salaších. Rožnov pod Radhoštěm: Valašské muzeum v přírodě 2007. S. s. 27.
29. ŠTIKA, Jaroslav: Valaši a Valaško: o pôvodu Valachů, valašské kolonizaci, vzniku a historii moravského Valašska a také o karpatských salaších. Rožnov pod Radhoštěm: Valašské muzeum v přírodě 2007. S. 21.
30. См. напр. UNGUREANU, Dan: Common Lexic in Romanian and Albanian. Substrate and Loanwords. URL: https://www.academia.edu/5766282/Common_Lexic_in_Romanian_and_Albanian_Substrate_and_Loanwords.
31. PALIGA, Sorin: Pre-Slavic and Pre-Romance Place-Names in Southeast Europe // Proceedings of the 8th International Congress of Thracology. Vol. 1. Sofia: Bulgarian Institute of Thracology – Europa Antiqua Foundation – Bulgarian Academy of Sciences 2002, pp. 219-229.
32. ŞINCAI, Gheorghe, MICU, Samuil: Elementa linguae daco-romanae sive valachicae. Wien: Kurzböck, Josef Lorenz 1780, 94 pp.
33. HUNMANN, Hans Erik: Über die Geschichte und Sprache der Albaner und Wlachen. Leipzig: S. L. Crusius 1774.
34. KADLEC, Karel: Valaši a valašské právo v zemích slovanských a uherských. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění 1916, S. 14.
35. Hypotetické trasy migrácie valašského obyvateľstva vypracoval Bogdan Giuşcă, 2005.
36. JANCsó, Benedek: A román nemzetiségi torekvések torténete és jelenlegi állapota. I. Budapest: Lampel Róbert 1894 . S. 59.
37. См. напр. KADLEC, Karel: Valaši a valašské právo v zemích slovanských a uherských. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění 1916, S.13.

38. SULZER, Franz Josef: Geschichte des transalpinischen Daciens, das ist: der Walachey, Moldau und Bessarabiens, im Zusammenhange der Geschichte des übrigen Daciens als ein Versuch einer allgemeinen dacischen Geschichte. I – III. Wien: Gräffe 1781.
39. SULZER, Josef Sulzer: Geschichte des transalpinischen Daciens, das ist: der Walachey, Moldau und Bessarabiens, im Zusammenhange der Geschichte des übrigen Daciens als ein Versuch einer allgemeinen dacischen Geschichte. II. Band. Wien: Gräffe 1781, P. 11.
40. KADLEC, Karel: Valaši a valašské právo v zemích slovanských a uherských. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění 1916, S. 15.
41. ROESLER, Eduard Robert: Romänische Studien. Untersuchungen zur älteren Geschichte Rumäniens. Leipzig: Duncker & Humblot 1871, 363 p.
42. KŁAPYTA, Piotr: Wołosi – nomadzi Bałkanów i ich rola w kolonizacji luku Karpat // Prozumienie Karpacie, 05 sierpnia 2012. URL: <http://www.porozumieniekarpacie.pl/195,a,wolosi-nomadzi-balkanow-i-ich-rola-w-kolonizacji-luku-karpat.htm>
43. TOPPELTINUS, Laurentius: Origines, et occasus Transsylvanorum.. Lugdunum: Horatius Boissat et Georgius Remeus 1667. 262 pp.
44. CANTEMIR, Dimitrie: Descriptio antiqui et hodierni status Moldaviae. manuscript, 1714 – 1716.
45. LAURIAN, August Treboniu: Istoria Romaniloru de A. Treb. Laurianu. Iași: Būcūtūl Roman 1853.
46. MATULA, Vladimír, VOZÁR, Jozef et al.: Dejiny Slovenska II : 1526-1848. 1. vyd. Bratislava: Veda 1987. S. 80
47. KEČKA, Roman: Kresťanstvo byzantsko-slovanského obradu na Slovensku v 9. – 17. storočí // Medzi Východom a Západom : multikultúrne procesy, migrácia a náboženstvo v strednej Európe. Bratislava: Chronos 2014, S. 51.
48. ŽEŇUCH, Peter, VASIL, Cyril. Cyrillic Manuscripts from East Slovakia. Slovak Greek Catholics: Defining Factors and Historical Milieu. Cyrilské rukopisy z východného Slovenska. Slovenskí gréckokatolíci, vzťahy a súvislosti. Monumenta byzantino-slavica et latina Slovaciae I. Roma-Bratislava-Košice: Pontificio Istituto Orientale 2003. S. 247.
49. PASCU, Stefan: A History of Transylvania. Detroit: Wayne State Univ Press 1983. P. 57.
50. KADLEC, Karel: Valaši a valašské právo v zemích slovanských a uherských. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění 1916, S. 2.
51. KADLEC, Karel: Valaši a valašské právo v zemích slovanských a uherských. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění 1916, S. 1.
52. SACHELARIE, Ovid, STOICESCU, Nicolae (coord.): Instituții feudale din țările române. Dicționar. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România 1988.
53. KADLEC, Karel: Valaši a valašské právo v zemích slovanských a uherských. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění 1916, S. 2.
54. KEČKA, Roman: Kresťanstvo byzantsko-slovanského obradu na Slovensku v 9. – 17. storočí // Medzi Východom a Západom : multikultúrne procesy, migrácia a náboženstvo v strednej Európe. Bratislava: Chronos 2014, S. 51-51.
55. HALAGA, Ondrej Richard: Slovanské osídlenie Potisia a východoslovenskí gréckokatolíci. Košice: Východoslovenský kultúrny spolok Svojina 1947. S. 46-47.
56. HALAGA, Ondrej Richard: *Slovanské osídlenie Potisia a východoslovenskí gréckokatolíci*. Košice: Východoslovenský kultúrny spolok Svojina 1947. S. 46-47.
57. HALAGA, Ondrej Richard: *Slovanské osídlenie Potisia a východoslovenskí gréckokatolíci*. Košice: Východoslovenský kultúrny spolok Svojina 1947. S. 45.
58. RATKOŠ, Peter: Osídlenie a hospodársky vývoj Horehronia do začiatku 18. storočia. // *SINár* 13, 1965. S. 139.
59. ŠTIKA, Jaroslav: *Valaši a Valašsko: o pôvodu Valachů, valašské kolonizaci, vzniku a historii moravského Valašska a také o karpatských salaších*. Rožnov pod Radhoštěm: Valašské muzeum v přírodě 2007. S. 28-29.
60. ŽEŇUCH, Peter, VASIL, Cyril. Cyrillic Manuscripts from East Slovakia. Slovak Greek Catholics: Defining Factors and Historical Milieu. Cyrilské rukopisy z východného Slovenska. Slovenskí gréckokatolíci, vzťahy a súvislosti. Monumenta byzantino-slavica et latina Slovaciae I. Roma-Bratislava-Košice: Pontificio Istituto Orientale 2003. S. 247

61. KEČKA, Roman: Kresťanstvo byzantsko-slovanského obradu na Slovensku v 9. – 17. storočí // Medzi Východom a Západom : multikultúrne procesy, migrácia a náboženstvo v strednej Európe. Bratislava: Chronos 2014, S. 51.
62. KRAJČOVIČ, Rudolf: Vývin slovenského jazyka a dialektológia. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1988. S. 171.
63. KRAJČOVIČ, Rudolf: Vývin slovenského jazyka a dialektológia. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1988. S. 171.
64. KRAJČOVIČ, Rudolf: Vývin slovenského jazyka a dialektológia. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1988. S. 171.
65. BOTÍK, Ján: Multietnické Slovensko a jeho kultúrna mnohotvárnosť / Studia Academica Slovaca: prednášky XLIV. letnej školy slovenského jazyka a kultúry. Bratislava: Univerzita Komenského 2008, S. 212.
66. См. напр. PODOLÁK, Ján: Tradičné ovčiарство на Slovensku. Bratislava: Veda 1982, 227 s.
67. См. напр. ŠTIKA, Jaroslav: Valaši a Valaško: o původu Valachů, valašské kolonizaci, vzniku a historii moravského Valašska a také o karpatských salaších. Rožnov pod Radhoštěm: Valašské muzeum v přírodě 2007. 237 s.
68. BOTÍK, Ján: Multietnické Slovensko a jeho kultúrna mnohotvárnosť / Studia Academica Slovaca: prednášky XLIV. letnej školy slovenského jazyka a kultúry. Bratislava: Univerzita Komenského 2008, S. 201.
69. HALAGA, Ondrej Richard: Slovanské osídlenie Potisia a východoslovenskí gréckokatolíci. Košice: Východoslovenský kultúrny spolok Svojina 1947. S. 68-69.
70. Доля населения русинской национальности в Словакии, по данным переписи населения 2011 г. Источник: Статистическое управление Словацкой Республики.
71. Для более подробной информации см. напр. DUDÁŠOVÁ-KRIŠŠÁKOVÁ, Júlia: Goralské nárečia (Poznámky na okraj hesla v Encyklopédii jazykovedy) // Slovenská reč, 60, 1995, № 2, S. 92 и сл.
72. MAREK, Miloš: Národnosti Uhorska. Vysokoškolský učebný text. Trnava: Filozofická fakulta Trnavskej univerzity 2011. S. 401.
73. EHLER, Edvard: Y chromosomální polymorfismy v české populaci se zaměřením na moravské Valaško: evolučně antropologická studie. Disertační práce. Katedra antropologie a genetiky člověka, Přírodovědecká fakulta Univerzity Karlovy v Praze 2010. S. 3.

И. В. Вовк

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск

Российская Федерация и Республика Казахстан в 90-е годы XX века: правовое сотрудничество в оборонной и пограничной сферах

В первое постсоветское десятилетие в Российской Федерации происходил сложный процесс становления новой государственности, в том числе в сфере разработки концепции безопасности и инструментального воплощения ее по всему периметру государственных границ.

Взаимодействие в оборонной и пограничной сферах должно было стать одним из структурообразующих принципов объединения новых независимых государств в Содружество. Несмотря на во многом «реактивное» восприятие внешней политики и отсутствие четко выверенных стратегических ориентиров, руководство Российской Федерации к середине 90-х гг. все же определило систему приоритетов в реализации внешнеполитической концепции.

Одним из них становится сотрудничество Российской Федерации с Республикой Казахстан в целях оформления «оборонительного контура с южного направления, со стороны центрально-азиатского фронта и Афганистана» [3].

Сотрудничество между двумя государствами в оборонной сфере осуществлялось как в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), так и на межгосударственном уровне.

В рамках Содружества в начале 90-х гг. XX века главной проблемой являлась угроза распространения ядерного оружия, в том числе на постсоветском пространстве, вопреки условиям Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. Еще зимой 1991 г. лидеры на тот момент «ядерных государств»: Беларуси, Казахстана, России и Украины – подписали соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия. К 1 июля 1992 г. Беларусь, Казахстан и Украина должны были обеспечить вывоз тактического ядерного оружия на центральные предзаводские базы для его разукomплектования под совместным контролем [2].

Подписывая 23 мая 1992 г. Лиссабонский протокол к Договору об СНВ-1, Беларусь, Казахстан, Россия и Украина обязались оставить ядерные вооружения бывшего СССР «под безопасным, строгим и надежным контролем единого объединенного командования» [1].

13 декабря 1993 г. Верховный Совет Республики Казахстан принял решение о присоединении Казахстана к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве государства-участника, не обладающего ядерным оружием. В связи с этим президент Казахстана подписал соответствующий Указ, завершив тем самым законодательное оформление участия Казахстана в системе обязательств, вытекающих из Договора СНВ-1 и Лиссабонского протокола 1992 г., ратифицированных казахстанским парламентом еще в июле 1992 г.

В декабре 1994 г. в Будапеште был подписан Меморандум о гарантиях безопасности Казахстану, Беларуси и Украине со стороны США, России и Великобритании, выступавших в качестве государств-депозитариев Договора о нераспространении ядерного оружия. Аналогичные гарантии обеспечения суверенитета, территориальной целостности Казахстана и экономического принуждения Казахстан имеет со стороны Китая и Франции.

Казахстан первым среди участников Лиссабонского протокола реализовал положение, касающееся перемещения ядерных боеприпасов: процесс вывода с территории республики 1216 единиц ядерных боеприпасов завершился 21 апреля 1996 г. 30 мая 1995 г. был уничтожен последний испытательный ядерный заряд, находившийся в штольне на Семипалатинском полигоне.

Важнейшим направлением в развитии оборонного сотрудничества между Россией и Казахстаном в этот период становится создание единственной в

Евразии интеграционной военной структуры – Организации Договора о коллективной безопасности (с 1995 г. – ОДКБ).

15 мая 1992 г. в Ташкенте был подписан договор о коллективной безопасности (ДКБ). В тот момент Организацию Договора составляли шесть государств, в том числе Российская Федерация и Республика Казахстан; Азербайджан, Беларусь и Грузия присоединились к нему в 1993 г.; Молдова, Туркменистан и Украина участия в Договоре не приняли.

Тогда же был образован Совет коллективной безопасности в составе глав государств-участников и Главнокомандующего Объединенными Вооруженными силами Содружества Независимых Государств, являющийся высшим политическим органом государств-участников Договора, обеспечивающим координацию и совместную деятельность этих государств в выполнении Договора. Страны, входящие в организацию, имели во многом разнящиеся цели и задачи. Например, Россия, по мнению А. Храмчихина, «видит в ней один из рудиментов СССР, которые в Кремле сильно ценят по соображениям психологического характера [4]. Со своей стороны, союзники Российской Федерации нередко рассматривают Россию как страну, которая не только обеспечивает им «зонтик безопасности», в том числе ядерный [5], но и поможет в модернизации вооружений и военной техники на льготных условиях.

При этом, сам договор о коллективной безопасности с участием центрально-азиатских государств стимулировал развитие межгосударственного сотрудничества в области обороны, безопасности и приграничного сотрудничества. Подписание же Конвенции военной безопасности государств-участников СНГ 9 октября 1992 г. в Бишкеке поставило сотрудничество на правовые рельсы.

Концепция основывается на принципиальных положениях документов по военным вопросам, принятым главами государств СНГ, а также на основополагающих установках их национальных военных доктрин. Она включает в себя основы военной политики, коллективной обороны государств-участников Содружества, в том числе и основные принципы их ядерной политики, строительства и развития Объединенных Вооруженных Сил Содружества. Нашла в ней отражение и общность интернациональных военно-политических целей государств-участников.

Помимо сотрудничества в рамках Договора о коллективной безопасности, эффективно развивалось взаимодействие на дву- и многосторонней основе. Так, в 1996 г. Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан, с одной стороны, и Китай подписали историческое Шанхайское соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границ.

В течение 90-х годов была создана система двусторонних отношений между государствами-участниками Договора: казахстанско-российское, рос-

сийско-белорусское, российско-таджикское, российско-армянское соглашения о военном сотрудничестве. Деятельность в рамках этих соглашений по сути дела была одним из компонентов формирующихся систем региональной безопасности и подразумевала отработку совместных действий в кризисных ситуациях.

Позднее на Ереванской сессии СКВ в мае 2001 г. было принято решение о создании Коллективных сил быстрого развертывания центрально-азиатского региона коллективной безопасности (КСРБ) из состава вооруженных сил Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана и органа управления ими. Общая численность КСБР составляет до 1500 человек со штатным вооружением и боевой техникой. Для быстрой переброски личного состава и огневой поддержки с воздуха создана авиационная группировка. Предусмотрено подкрепление КСБР с учетом специфики борьбы с террористами элементами спецслужб государств ДКБ и взаимодействие с Антитеррористическим центром СНГ.

Таким образом, военная интеграция в масштабах Договора о коллективной безопасности и Содружества Независимых Государств объективно удовлетворяет задаче обеспечения безопасности каждого и всех входящих в него государств. Создаваемая при этом система коллективной безопасности государств Содружества как основа защиты их интересов позволит эффективно противостоять возможным вызовам, опасностям и угрозам различного характера, стабилизировать ситуацию в постсоветской Евразии и в регионе Центральной Азии, стать влиятельной силой в укреплении международного мира и стабильности.

Библиографический список

1. Протокол к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений от 23 мая 1992 г. // Договор СНВ-2. Факты и аргументы (Белая книга). – М. : Международные отношения, 1993. – С. 207-209.
2. Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия от 21 декабря 1991 года // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». – 1992. – № 1.
3. Туштунбаев, С. С. Республика Казахстан и центрально-азиатская безопасность / С. С. Туштунбаев. – Алма-ата, 1994. – С. 21.
4. Храмчихин А. «Бумажные тигры» НАТО и ОДКБ [Электронный ресурс] / А. Храмчихин // Независимое военное обозрение. 6.03.2009. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/forces/2009-03-06/1_tigers.html. – Дата доступа : 7.03.2009.
5. Russia : The Nuclear Umbrella and the CSTO [Electronic resource] Stratfor. February 25, 2010. – Mode of access: http://www.stratfor.com/analysis/20100225_Russia_nuclear_umbrella_and_csto. – Date of access: 23.03.2010.

Россия и Британия: имперский опыт противостояния (на примере Дальнего Востока)

Британская империя на рубеже XIX – XX вв. представляла собой сложное геополитическое образование, сложившееся в качестве такового в противостоянии со своими «имперскими» конкурентами в ходе и по окончании наполеоновских войн начала XIX столетия.

К середине XIX столетия одним из главных центров международных противоречий становится Европа, где интересы Британии сталкиваются с интересами «континентального монстра» – России.

Крымская (Восточная) война, которая была порождена факторами, связанными с решением так называемого Восточного вопроса, завершается победой Британии и ее союзников. Одним из «непреднамеренных» последствий конфликта становится перенос геополитического противостояния со «Старого Света» в периферийные регионы, так называемые «окраины» двух крупнейших империй того времени.

Дальний Восток к этому периоду активно осваивался российской администрацией и определялся отдельными ее представителями как главный «форпост государев» на Тихом океане.

В целом российское правительство предпринимало действия в дальневосточном регионе, для его дальнейшего освоения и колонизации новых территорий. Великобритания воспользовалась такой ситуацией. Британско-японские отношения стали активно развиваться уже в 90-е гг. XIX века. Сближение двух держав началось после 1898 года, когда Россия получила в аренду Порт-Артур, тогда и образовался англо-японский блок, направленный против Российской империи. Так, в 1899 году Английское правительство заняло Японии 10 млн фунтов на военные нужды. Британия не хотела видеть Россию рядом со своими колониями и в Тихом океане. Англия стала проводить политику сближения с Японией, дабы не допустить усиления России в Дальневосточном регионе. Она стала совершать уловки в отношении с Японией, по временному затягиванию заключения договора 1901 года, чтобы изучить позицию Германии с точки зрения возможности её включения в антирусскую коалицию. Но, из-за противоречий с самой Германией, отказалась от этой идеи. Она параллельно пыталась достичь соглашения с Россией, где происходило бы признание Россией приоритета японских интересов в Корее, а Японией – русских в Маньчжурии, но не всё оказалось так просто. Дело в том, что такой манёвр делал Российскую империю

более уступчивой. С Японской позиции, идеи корейско-маньчжурского обмена лоббировали Ито Хиробуми и Иноуэ Каору.

Япония пыталась тоже оказать давление на Англию, для более быстрого заключения англо-японского договора, путём создания видимости обсуждения данного вопроса с Россией. С этой целью глава МИД Ито Хиробуми отправился в Петербург для переговоров, которые фактически не состоялись. Получив 3 декабря 1901 года уже готовый проект англо-японского союза, Ито на следующий день отбывает в Германию и как следствие, переговоры были прерваны. 30 января 1902 года был подписан договор между британским министром иностранных дел Г. Лансдауном и японским посланником в Лондоне Хаяси Тадасу [1, 161-164].

В начале XX века Японии удалось усилить свои позиции и закрепиться в Китае и Корее. Великобритания снисходительно относилась к японской внешней политике, так как это был основной противовес России, особенно после заключения в 1895 году Симоносекского мира, когда расстановка сил была predetermined. Великобритания выступила в поддержку выдвинутых условий со стороны Японии [2, 187-189].

Российская дипломатия отнеслась к англо-японскому союзу с осторожностью. Русское правительство решило принять незамедлительные дипломатические меры. После опубликованного текста о создании англо-японского союза последовала декларация России и Франции. Основной задачей такого манёвра было найти поддержку среди стран Запада. По соглашению между Россией и Францией 16 марта 1902 года устанавливалось, что в случае враждебных действий других держав либо повторения беспорядков в Китае, которые могут нарушить целостность и свободное развитие Китая, они предоставляют себе право «озаботиться принятием соответствующих мер к охранению своих интересов».

Данная декларация была направлена в посольства ряда стран, таких как: Австро-Венгрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Испания, Италия, Китай, Нидерланды, Северная Америка и Япония [4, 379-381].

В результате Россия пыталась закрепить своё влияние в регионе Дальнего Востока путём дипломатического маневрирования, основная задача сводилась к недопущению кровопролития и военного столкновения, неиспользованию военных методов.

Дипломатические ухищрения, совершаемые странами Запада, включая Российскую империю, бесспорно, заслуживают объективного рассмотрения. Претендентами на владение Дальневосточным регионом выступали Россия, Великобритания, Германия, Китай, Япония и Франция. Дальний Восток на рубеже XIX-XX вв. стал основным местом действий, где разгорались постоянные кон-

фликты. Каждая из мировых держав желала иметь здесь колонии, рынок сбыта, торговлю. Но основными игроками являлись Россия, Китай и Япония, как более близкие по пограничной территории. Активная политика Российской империи обратила на себя внимание. Как следствие, Великобритания стала одним из главных противников России в этом регионе, действуя посредством оформления дипломатических союзов [3, 206-207].

Таким образом, мощная политическая и экономическая поддержка Британии предоставляла возможность японской империи мобилизовать ресурсы, для нанесения молниеносного удара по России с целью вытеснения её с Дальнего Востока. Как итог, ухудшение русско-японских отношений и начало боевых действий на территории Дальнего Востока в 1904-1905 гг.

Библиографический список

1. История Японии : учебное пособие : в 2 т. / под ред. А. Е. Жукова. – М., 1998. – Т. 2.
2. Кузнецов, Ю. Д. и др. История Японии / Ю. Д. Кузнецов, Г. В. Навлицкая, И. М. Сырицын. – М., 1989.
3. Схиммельпенник ванн дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу : как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией / Авторизированный пер. с англ. Н. Мишаковой. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – 421 с., ил.
4. Хрестоматия по истории международных отношений : Новое время : книга 3 / составитель Д. В. Кузнецов. – Благовещенск, 2013.

Е. Э. Ежова

МОАУ «СОШ № 16», г. Новотроицк

Развитие здравоохранения в 20-е – начале 60-х гг. XX в. (на примере г. Орска)

На современном этапе в условиях реформирования всех сторон жизни нашего общества и поиска оптимальных путей его развития проблемы здравоохранения приобретают особую остроту и актуальность. Особенно важной этой темой представляется в контексте региональной истории.

Как уездный отдел здравоохранения (в связи с организацией уездных исполкомов) Орский отдел функционировал в 1918-1920 гг. В декабре 1925 года был издан декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об основах построения нормальной волостной (районной) организации здравоохранения», которым предусматривалась организация в каждом районном и волостном центре больницы, имеющей амбулаторию, терапевтическое, хирургическое, родильное и инфекционное отделения, зубоветеринарный кабинет, аптеку, консультацию для женщин и грудных детей, оспопрививательный пункт, дезинфекционную установку. Органы здра-

воохранения, преимущественно, должны были обеспечивать обслуживание промышленных рабочих и тружеников сельского хозяйства, чтобы способствовать повышению производительности труда.

В 1927 году, с образованием районов, был создан Орский районный отдел при райисполкоме с административной методической и лечебно-профилактической работой медицинских и школьных учреждений города. В 1939 г. в Орске был выстроен и открыт родильный дом на 45 коек, в поселке Никель – на 20 коек, в Аккермановке – на 5.

В целях стремительного предупреждения заболеваний, связанных с беременностью и родами, были открыты две консультации для женщин, но врачами-специалистами они укомплектованы не были, профилактическая работа велась слабо. Инфекционная больница находилась в помещении двух барачков, совершенно не приспособленных для полноценной работы: отсутствовали водопровод, электричество. В некоторых помещениях отсутствовали ванны и отопление. Существующие изоляторы были малы, кухня не имела раздаточной комнаты, питание больных было неудовлетворительным.

В те годы остро стоял вопрос текучести кадров. В отчете о лечебной работе горздравотдела за 1939 г. сообщается о том, что больницы не были обеспечены врачами: работали 14 врачей, совмещая свою работу, в то время как для нормального функционирования лечебных учреждений необходимы были 27 врачей.

Крупные поликлиники, такие как «Горполиклиника», «Локомотив», «Никель», работали в полторы смены: с 9 часов утра, с часовым перерывом, до 8 вечера. Детская поликлиника, амбулатория, ТЭЦ, Крекинг, Кирпичный завод, Аккермановка, Мясокомбинат, Венпункт и тубдиспансер работали по 7 часов.

К 1940 г. заметно возросло количество больниц. Их насчитывалось 9 с коечным фондом. В городе работало 2 машины «Скорой помощи», одна из них являлась эпидемической. Из числа комплексных мероприятий в этот период Горздравотдел проделал следующее: к началу сева проводилось массовое обследование на малярию, медицинский осмотр школьников (к оздоровительной компании осмотрено 13850 детей). Также были осмотрены и подростки, работающие на производстве, – 1185 человек. В больнице «Никеля» проводились лабораторные исследования, использовались новые препараты: стрептоцид, глюкоза, инсулин, рыбий жир. Эпидемическая больница широко применяла сывороточное лечение.

К 1960 г. численность врачей за 10 лет увеличилась до 19,3 на 10 тыс. населения, а среднего медицинского персонала – до 69,2. Увеличилось число, а главное, возросла мощность сельских участковых и районных больниц. Но все же проблема обеспеченности врачебными кадрами учреждений здравоохране-

ния в исследуемые годы стояла очень остро (на 1960 г. укомплектованность врачебными кадрами составляла всего 60% (Филиал государственного бюджетного учреждения «Государственный архив Оренбургской области», г. Орск, ф. р-6, оп. 1, д. 55). В связи с этим было широко распространено совместительство. Но, исходя из данных архивных документов, можно говорить о том, что эта мера не являла собой положительного результата потому, что приводила к нарушению трудовой дисциплины и недоработке рабочего времени. Ряд главных врачей, особенно крупных медицинских частей, становился недоступным для больных во время поликлинического приема, так как в основном они находились в стационаре.

Согласно материалам доклада IV сессии Орского городского совета депутатов « О состоянии и мерах по улучшению медицинского обслуживания трудящихся города» от 21 сентября 1961 г., был построен и введен в эксплуатацию роддом медсанчасти завода им. Чкалова, медсанчасть Синтезспирта, открыта в хорошо отремонтированном и приспособленном здании детская городская больница, поликлиника со всеми специальными помещениями медсанчасти Южуралмашзавода, начало функционировать помещение больницы и поликлиники завода им. Чкалова.

С ростом коек в больнице были организованы специализированные отделения и учреждения: психоневрологический диспансер, онкологический диспансер, травматологическое отделение, дом санитарного просвещения, четыре фельдшерских здравпункта. Все лечебные учреждения города снабжались новейшими рентгеновскими аппаратами, клиничко-диагностическими лабораториями. В семи объединениях имелись электрокардиографы, физиотерапевтические кабинеты пополнились приборами свето- и электролечения. Повысился уровень оказания врачебной помощи: наряду с участковым терапевтом больных на дому стали посещать врачи других специальностей. Почти вдвое увеличилось число терапевтических участков.

В 1963 г. в городе был создан онкологический диспансер, с отделениями: хирургическое, химико-терапевтическое, рентгено-диагностическое. Психоневрологический диспансер размещался в ветхом помещении. При нем активно функционировало наркологическое отделение, которое позволяло в плановом порядке проводить лечение хронического алкоголизма и наркомании.

Большая работа была проведена по донорству, число активных доноров было доведено до 860, резерв составлял 400 тыс. Только за первое полугодие 1963 г. увеличился поток желающих сдать кровь до 281 человека.

Все эти меры так или иначе позволили снизить уровень заболеваемости в городе. Если в 1962 г. в поликлинику города обратились 98243 больных, то в

1963 г. – 77555, то есть на 22 тыс. меньше по сравнению с предыдущим годом (Там же, ф. р-6, оп. 1, д. 58).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в Орске в рассматриваемый период поэтапно развивалось здравоохранение. Проводилась работа по сбережению здоровья жителей города. Значительно увеличилось число медицинских работников и сети медицинских учреждений.

Е. Р. Иванова

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск

Вопросы патриотического воспитания на уроках литературы в старших классах (из опыта работы в школе)

Одной из насущных проблем современного российского общества в свете внешней и внутренней политической ситуации является патриотическое воспитание подрастающего поколения. К сожалению, в постсоветское время многое было упущено в этой сфере педагогической деятельности. Сегодня ситуация серьезно меняется, но упущенное время и возможности становятся порой непреодолимым препятствием для того, чтобы использовать различные приемы работы в этом направлении.

Одним из важнейших средств патриотического воспитания является литература, возможности которой влиять на общественное сознание, на нравственное воспитание не утрачены. Однако вопрос о подборе текстов и об акцентах литературного анализа в рамках школьной программы требует особого внимания. Известно, что литературный процесс неизменно отражает основные исторические вехи. Именно поэтому рационально построить программы изучения отечественной истории и русской литературы в 10-11 классах по принципу параллельности: темы должны совпадать по времени и эпохе. Это дополнит фактическим материалом литературу и раскрасит дополнительными красками историю. Необходимость этого очевидна, когда в 10 классе начинается изучение творчества писателей второй половины XIX века. Произведения А. Н. Островского, А. Н. Некрасова, А. И. Гончарова невозможно анализировать без понимания исторической ситуации в России накануне отмены крепостного права, роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» также опирается на общественную ситуацию в России конца 1850-х годов, изучение романа-эпопеи Л. Н. Толстого вообще немислимо без знания истории. Все это призвано показать, насколько сложный путь прошла Россия, утверждая новые общественные идеалы, какие пути развития страны предлагали выдающиеся мыслители XIX столетия, как

преломлялись эти идейные поиски в произведениях русской литературы. Так, например, известное четверостишие Ф. И. Тютчева «Умом Россию не понять...» требует глубокого осмысления того, как понималась Россия в контексте западного сознания и почему поэту-философу Тютчеву это было так важно.

Не менее сложна ситуация совмещения программ и в 11 классе, когда изучается сложный и динамичный литературный процесс XX века, насыщенного политическими событиями. К сожалению, вопросы, связанные с масштабами Октябрьской революции 1917 года, большинством учащихся не воспринимаются из-за отсутствия основной информации. Поэтому размах блоковской поэмы «Двенадцать» остается непонятым. «Мировой пожар», «ветер на всем божьем свете» и другие метафоры Блока остаются нераскрытыми, а поэма воспринимается как неинтересный литературный факт. С трудом воспринимается и роман М. А. Шолохова «Тихий Дон», так как представление о гражданской войне весьма приблизительно, и ее абсурдность воспринимается лишь на конкретных образах героев романа, а не как национальная катастрофа. С подобными же проблемами приходится сталкиваться при изучении творчества А. Ахматовой, О. Мандельштама, А. И. Солженицына, когда неизбежно речь заходит о времени сталинских репрессий. Этот «унылый» перечень можно продолжать бесконечно.

Складывается впечатление, что у учащихся в сознании существуют два отдельных предмета: история и литература, в то время как объединение усилий историков и словесников может дать замечательный педагогический результат. Думается, что подобная работа могла бы акцентировать внимание учеников на сложности исторического пути и богатстве словесности России, на том, какие беды перенес, в каких страшных обстоятельствах выстоял русский народ. Литература особенно ярко, в запоминающихся образах показывает это.

Однако особенно явственно непонимание значимости произведения проявляется на уроках по произведениям о Великой Отечественной войне. Программа по литературе под редакцией В. Я. Коровиной предполагает их изучение лишь в конце 11 класса, хотя целесообразно так построить программу, чтобы каждый год в мае шли уроки, на которых бы читались и анализировались произведения войны и о войне.

Например, в программе гуманитарного класса теме «Литература периода Великой Отечественной войны» отведено 5 часов, а затем 2 часа на тему «Новое осмысление военной темы в литературе 50-90-х годов». За эти два часа учителю предлагается сделать обзор произведений Ю. Бондарева, В. Быкова, Б. Васильева и других писателей. Эта задача невыполнима. Невозможно даже за один урок рассмотреть, например, все аспекты повести Б. Васильева «В списках не значился...». Скороговоркой нельзя пересказать историю обороны Брестской

крепости, показать, в чем глубокий смысл нравственного выбора Николая Плужникова, который мог просто уйти, так как еще не значился в штабных списках, осмыслить глубокий патриотический смысл произведения. Как полно проанализировать повесть Васильева «А зори здесь тихие..», не рассмотрев жизненную мотивацию каждой из юных героинь, погибших не на передовой, а, казалось бы, в совершенно мирном и тихом месте. О других произведениях, к сожалению, можно лишь упомянуть, назвав имена авторов и названия. Из-за нехватки времени невозможно посмотреть фильмы, снятые по этим произведениям, хотя уроки литературы это и предполагают.

Последствия такого подхода к произведениям о Великой Отечественной войне очевидны. Остается непрочитанным рассказ М. А. Шолохова «Судьба человека», понимание патриотического служения Родине заменяется каким-то суррогатом, ученики демонстрируют вопиющую неосведомленность и невежество. Например, одна из учениц на вопрос о том, что она прочитала о Великой Отечественной войне, ответила, что только книгу Гитлера «Mein Kampf», которая сегодня доступна в сети Интернета! Другая, прочитав повесть В. Кондратьева «Сашка», была поражена тем, что о войне можно писать так убедительно и эмоционально. Буквально замерев, ученики выпускного класса слушали пересказ (!) произведения Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке» и А. Толстого «Русский характер». Однако чаще всего звучит ответ, что о войне ничего не прочитал, не смотрел, потому что неинтересно.

Бесспорно, что материалом для формирования патриотической позиции могут послужить и произведения русской классики XVIII-XIX века, и современная литература, но главная задача учителя – указать на эти произведения, заставить прочитать, дать верную трактовку. Здесь не может быть какого-то универсального подхода или приема. Как говорится, все средства хороши: и чтение фрагментов на уроке, и презентация с фрагментами фильмов, и индивидуальные задания, и чтение глав произведения по рядам, и коллоквиум по произведениям о войне, и многое другое.

Очевидно, что требования новых стандартов меняют многие принципы преподавания литературы в школе, программа корректируется и дополняется. Однако остаются «вечные» жизненные ценности, которые невозможно отодвинуть на второй план, обойти стороной. Среди таких ценностей современного мира остается чувство патриотизма, которое должно прививаться и на уроках литературы в целом и при анализе произведений о Великой Отечественной войне в частности.

Идеи итальянского гуманизма и современность

Российское и западноевропейское общество находится на переходном этапе своего развития: переоцениваются ценности, отношение к миру, к человеку. В этих условиях новое звучание приобретают идеалы и ценности гуманизма, родиной которого считают Италию.

Итальянский гуманизм – это идейное направление, которое основывается на стремлении к человечности, восприятию человека таким, какой он есть, утверждении человека как самой важной ценности жизни, понимании нужности себя. Гуманизм является значимым этапом в истории Западной Европы и России, так как благодаря ему произошло переосмысление жизни человека, познание личных свойств, ума и человеческого достоинства. В исторической литературе особое внимание в последнее время уделяется итальянскому гуманизму, так как создаются новые направления гуманизма, а его основные идеи ставятся в центре многих специальных организаций, а также применяются в сфере образования России.

Итальянский гуманизм вобрал в себя большое количество характерных особенностей, вот некоторые из них: антропоцентризм, индивидуализм, тяга к античному наследию, пантеизм. Антропоцентризм – это воззрение, где утверждается новый центр – могучая и прекрасная личность. Человек объявляется критерием всякой ценности. Появляется вера в земное предназначение человека, где преобладают его интересы, а также гуманисты убеждены, что человек обладает свободой действий, как и Бог, поэтому сам управляет своей судьбой, жизнью, обществом. Хотя люди и критически стали относиться к церкви, они не потеряли веру в Бога, а лишь по-новому взглянули на самих себя. Понимание Бога стало совсем иным, оно выражается в следующей особенности итальянского гуманизма – пантеизм. Пантеизм – это особое понимание Бога, в котором Бог отождествляется с природой, то есть все, что нас окружает, и есть Бог. В основе пантеизма лежали идеи неоплатоников – последователей учений Платона, где говорится о том, что человеческая душа является посредником между земным и божественным миром. Душа является частью природы, а значит, и частью Бога. Важное место в итальянском гуманизме занимает индивидуализм, в основе которого заключается моральная ценность человека. Индивидуализм выдвигает на передний план человека, его дела, силы, возможности, черты характера, человеческую точку зрения на все процессы и явления жизни, а также утверждается право на наслаждения. Во всем творчестве гуманистов

была тяга к античному наследию, что является одной из идей итальянского гуманизма. Причинами интереса к античной литературе стали плохой перевод произведений, которые не передавали основного смысла творений, любовь к культуре античности. Гуманисты видели в античности образец разумного, прекрасного, гармонию. Благодаря гуманистам античные произведения стали доступны значительно более широким кругам населения.

В настоящее время формируются новые направления гуманизма: трансгуманизм, религиозный гуманизм, и до сих пор существует светский гуманизм. Трансгуманизм – это такое направление гуманизма, которое основано на переосмыслении достижения и места науки, а также признает изменение положения человека с использованием передовых технологий, например, усовершенствование умственных и физических возможностей человека с помощью технологий. Основной целью является постоянное совершенствование человека. Религиозный гуманизм – современное философское направление, которое сочетает в себе гуманитарные знания с религиозными верованиями, обрядами, в центре которых человеческие способности и потребности. Светский гуманизм – это направление гуманизма, которое утверждает право человека на счастье, проявление способностей и самосовершенствование. От религиозного отличается тем, что светский гуманизм не навязывает веру, которая в религиозном гуманизме является способом ориентации человека в окружающем мире. Свобода – неотъемлемая часть человека, которая выражается в независимости от церкви и религии, в равенстве перед законом, в выборе чего-либо.

Идеи гуманизма стали проявляться и в современном отечественном образовании, которое рассматривает процесс гуманизации как важный социально-педагогический принцип. Если раньше задачей педагога была передача знаний, то теперь он должен всеми возможными способами помогать развитию личности. Чем больше будет культурное, нравственное, социальное, профессиональное развитие человека, тем более свободной и творческой будет личность. Поэтому можно сказать, что итальянский гуманизм имеет огромное значение в российском образовании. С 1995 года в России действует Российское гуманистическое общество. Основной ее целью является развитие гуманизма, гуманистического мышления, гуманного образа жизни. Гуманистическая организация изучает особенности гуманизма и считает, что одной из черт является приоритетность ценностей конкретного человека, достойный образ его жизни. Движение старается сохранить тенденции итальянского гуманизма и передать данные знания из поколения в поколение. В Европе основными гуманистическими организациями являются Британская гуманистическая ассоциация, Голландская гуманистическая лига, Американская гуманистическая ассоциация и другие.

Итальянский гуманизм оказал огромное влияние на историю западноевропейских стран и России. Основные идеи гуманизма, хоть и реформируются с течением времени, создавая новые положения, принципы и направления, остаются актуальными в настоящее время.

Е. С. Клецова

ФГБУ «Государственный архив Оренбургской области», г. Орск

Деятельность Исполнительного Комитета Орского городского Совета депутатов трудящихся в социальной сфере в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

В памятный год 75-й годовщины начала Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. все большее значение обретают документы местных органов власти, содержащие сведения о деятельности депутатов и первоочередных мерах, принятых в военное время. Первостепенной задачей на сегодняшний момент является изучение и публикация малоизвестных фактов, способных более подробно и правдиво раскрыть события тех лет. Таким важным источником по истории военного периода г. Орска являются протоколы заседаний Исполнительного Комитета Орского городского Совета депутатов трудящихся. Именно горисполкому, его отделам пришлось принимать решения, добиваться их исполнения, перестраивая всю привычную работу в соответствии с жесткими требованиями военного времени. Определенной перестройке подверглась сфера социальной деятельности, которая охватывала целый комплекс вопросов: оказание материальной и финансовой помощи малообеспеченным слоям населения, продовольственное обеспечение, размещение и устройство эвакуированного населения, организация системы образования и здравоохранения, подготовка к паводкам и многое другое.

Основной особенностью обсуждения депутатами горисполкома социальных вопросов рассматриваемого периода являлось появление нового направления деятельности, касающегося сферы размещения и устройства эвакуированного населения. В процессе обсуждения основных вопросов возникало множество сопутствующих задач, которые необходимо было решать в кратчайшие сроки. Это организация бытовых условий и жилищное строительство для переселенцев, улучшение работы системы здравоохранения и общественного питания, финансовая поддержка и др. О масштабах эвакуационного процесса свидетельствует текст телеграммы председателя Исполнительного комитета Орского городского Совета депутатов трудящихся Милованова (инициалы не указаны) Чкаловскому областному исполнительному комитету Совета депутатов трудя-

щихся. В ней приведены данные о количестве эвакуированных в г. Орск на 5 ноября 1941 г.: общее количество прибывших составило 9972 человек, из них 2471 детей [1].

С первых дней прибытия эшелонов с эвакуированным населением решались вопросы размещения и прописки. 5 сентября 1941 г. отводится участок земли под строительство поселка для спецпереселенцев. Для обеспечения и регулирования потока эвакуированных 22 ноября 1941 г. при горисполкоме создается аппарат уполномоченного управления по эвакуации, штатом в пять человек. В его обязанности входили: учет прибывающего населения, разрешение общих вопросов, благоустройство, рассмотрение просьб и поданных жалоб.

Вопросы продовольственного характера и вопросы бытового обслуживания для местного населения решались различными методами, в том числе организацией и регулированием местной промышленности, промысловой и инвалидной кооперации по изготовлению предметов широкого потребления. Для расширения производства использовались банковские кредиты, строились и вводились в эксплуатацию новые промышленные и торговые объекты, горисполкомом утверждался план производства и объемы выпускаемой продукции [2].

Для бесперебойного обеспечения населения продовольствием и увеличения объемов производства, принимались решения по выделению земельных участков за счет городского земельного фонда гражданам и подсобным хозяйствам орских предприятий. Так, за 1942 г. было выделено 1364,9 га земли городским предприятиям под бахчевые и зерновые культуры и 1322 га земли гражданам под индивидуальные огороды. Для оказания повседневной практической помощи при фабрично-заводских и местных комитетах профорганизаций создавались огородные комиссии. Ими осуществлялась помощь в работе по сбору семян, организовывалась доставки удобрений и вспашка огородов тягловой, ручной силой [3].

В целях равномерного распределения среди населения хлеба и кондитерских изделий, 5 сентября 1941 г. принимается решение № 436 «О введении продажи хлеба, сахара и кондитерских изделий по продовольственным карточкам», в соответствии с постановлением Правительства № 1993 от 20 августа 1941 г. и областного Совета депутатов трудящихся № 1451 от 26 августа 1941 г. В решении устанавливались категории граждан и нормы отпуска хлеба, сахара и кондитерских изделий по карточкам на человека. Для рабочих и инженерно-технических работников I категории норма выдаваемого хлеба составляла – 800 гр., служащих – 500 гр., иждивенцев – 400 гр., детей до 12 лет – 400 гр. [4].

На основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» повсеместно применялась трудовая мобилизация призывными комиссиями городской молодежи в ремесленные училища,

школы для подготовки новых кадров и взрослого населения для выполнения общественных, специальных строительных работ, заготовки топлива, борьбы с паводком и др.: от 14 до 55 лет – мужчины и от 14 до 50 лет женщины. Например, 9 июля 1943 г. было призвано 75 человек для строительства Орского железнодорожного узла, 10 декабря 1943 г. – 60 человек для работы на заводе № 516 Наркомцветметалл и 50 человек на комбинат по производству огнеупорного кирпича [5].

Отдельно решались вопросы по поддержке граждан, нуждающихся в материальной и финансовой помощи. На основании статьи 10 Постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. горисполком назначал государственные пособия по многодетности матерям, имеющим 6 детей, при рождении каждого следующего ребенка в 2 тыс. рублей, а матерям, имеющим 10 детей, – единовременное государственное пособие при рождении каждого следующего ребенка в 5 тыс. рублей.

Финансовая поддержка в виде единовременных пособий оказывалась и другим группам населения, таким как пенсионеры труда, инвалиды I, II, III группы, граждане, имеющие лиц, находящихся на иждивении, малоимущие. Суммы назначаемой финансовой помощи зависели от каждого рассматриваемого конкретного случая и варьировались в зависимости от материально-бытовых условий, социального положения граждан. Например, работающему инвалиду III группы Масовой Е. Е., имеющей на иждивении 3 детей, было назначено единовременное пособие в сумме 100 руб., а эвакуированному, неработающему инвалиду II группы Перевозниковой Л. К. – 150 руб. [6].

26 июня 1941 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». В соответствии с ним принимаются решения об организации выдачи единовременных денежных выплат, назначении пособий семьям фронтовиков. Для обеспечения данной деятельности создаются соцбытовые комиссии по районам города: Ленинскому, Сталинскому, Ворошиловскому, в функции которых входили: составление списков и учет семей фронтовиков, нуждающихся в финансовой и материально-бытовой помощи оказываемой в виде выплат единовременных пособий, обеспечения одеждой и обувью, выделяемой из общественных фондов, выделения земельных участков, обеспечения топливом, поставок сельскохозяйственного продовольствия и др.

Для решения вопросов медицинского обслуживания населения, город был разделен на 13 медицинских участков, сформированных на базе существующих поликлиник и амбулаторий. На тех участках, где изначально не размещались медицинские объекты, горздрав на заседании горисполкома от 5 сентября 1941

г. получил право организовывать новые медицинские участки [7]. За годы войны были открыты новые здравпункты, эвакогоспитали, санитарно-биологические лаборатории, инфекционные больницы, которые не всегда соответствовали требованиям, предъявляемым к объектам медицинского назначения. Недостаток больниц, оборудования и медперсонала влияли на качество обслуживания и эпизодическое распространение инфекционных заболеваний.

Из-за сложившейся экономической ситуации сокращаются расходы по городскому и поселковым бюджетам, хозяйственным организациям местного подчинения в 1941 г. на 8139 т.р., через месяц было принято дополнительное сокращение бюджета на 9986,4 т.р. Наибольшие потери понесли статьи бюджета, касающиеся коммунального и жилищного хозяйства – 7885 т.р., здравоохранения – 1072 т.р., просвещения – 640 т.р. [8].

С началом войны изменениям подверглась и образовательная система. Благодаря эвакуационным процессам, город пополнился не только трудовыми, но и образовательными ресурсами, которые включали в себя квалифицированных специалистов и специализированные образовательные учреждения, такие как Днепропетровский индустриальный, коксохимический и Липецкий горный техникумы. В школах г. Орска стали размещать госпитали, общежития для эвакуированных, а иногда и цеха оборонных заводов. Это приводило к перегруппировке классов, а порою и целых школ. В старших классах дополнительно вводилось обучение практической трудовой деятельности в промышленности и сельском хозяйстве. В 1942 г. на сельскохозяйственные работы было направлено 1300 школьников, в 1943 г. – 1550. Все школы имели свои пришкольные и подсобные участки, на которых были посеы картофеля, проса и других огородных культур.

Суммируя общие данные из протоколов, приходим к выводу, что решение социальных вопросов на заседаниях горисполкома занимало значительную часть от общего числа принятых решений, в среднем за 1941-1945 гг. она составляла 75,3% (табл. 1).

Таблица 1

Год	Количество решений, принятых Исполкомом	Количество решений, принятых Исполкомом в социальной сфере	Процентное соотношение
май – декабрь 1941	638	440	31,1% / 68,9%
1942	566	421	25,7% / 74,3%
1943	483	354	26,8% / 73,2%
1944	435	342	21,4% / 78,6%
1945	749	610	18,6% / 81,4%

Приведенные в таблице 1 данные фиксируют рост количества решений социального характера, что говорит о направлении деятельности горисполкома, связанное с тыловым расположением г. Орска. Таким образом, война не оказала существенного влияния на характер деятельности горисполкома, не изменив ее коренным образом в сторону военно-мобилизационного направления, в отличие от прифронтовых областей и городов СССР. Изучение решений, принятых Исполнительным Комитетом Орского городского Совета депутатов трудящихся в социальной сфере, в процессе реализации директивных указаний центральных органов власти позволяет увидеть и суммировать опыт работы местных органов власти в суровые военные годы и использовать данный опыт на современном этапе развития.

Библиографический список

1. Филиал государственного бюджетного учреждения «Государственный архив оренбургской области» в г. Орске (филиал ГБУ «ГАОО»). Р – 1, оп. 1, д. 148, лл. 30-31.
2. Филиал ГБУ «ГАОО». Р-1, оп. 1, д.159, л. 13.
3. Филиал ГБУ «ГАОО». Р-1, оп. 1, д. 159а, л. 22-87.
4. Филиал ГБУ «ГАОО». Р-1, оп. 1, д. 135а, л. 85 об., 86.
5. Филиал ГБУ «ГАОО». Р-1, оп. 1, д. 175, л. 93, л. 178.
6. Филиал ГБУ «ГАОО». Р-1, оп. 1, д. 159, л. 31, л. 81 об.
7. Филиал ГБУ «ГАОО». Р-1, оп. 1, д. 135а, лл. 77-78.
8. Филиал ГБУ «ГАОО». Р-1, оп. 1, д. 135а, л. 50, л. 58.

И. А. Коробецкий, С. А. Цембалова

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск

Религиозный подъем в Советском Союзе во время Великой Отечественной войны

Немало было адресовано в СССР клеветы в адрес веры и Церкви. Еще было сказано: «Уста же служителей Церкви запечатаны». Они не имели права идти против теории материализма. Им было разрешено только право совершать богослужение.

Как же можно растолковать такое беспрецедентное в истории гонение на веру в Бога, гонение открытое и прикрытое, которое велось всеми средствами и силами государства, среди людей, которые 1000 лет несли светильник апостольской, христианской веры?!

Это поясняется, мы думаем, тем, что русский народ – самый доверчивый и верующий народ во всем мире. И злой силе надо было сделать надлом в вере сначала в русском народе, и сделать его толчком к обезбожению всех народов, всего мира.

Поэтому весь груз гонения пришелся именно на душу русского человека. Не в Европе, а именно в Москве появился Всемирный союз воинствующих безбожников. Идея закончилась крахом, но, скрывшись с глаз людей, союз подпольно продолжает подавлять в русском народе веру в Бога, при этом насаждает атеизм и материализм.

Но русская душа крепнет, благодаря молитвам Церкви небесной и земной. Русский народ выдержал и выдерживает все испытания, его душа не становится безбожной.

6 января в 1937 года была проведена всесоюзная перепись, которая несла в себе информацию об уровне религиозности населения. Уникальность этой переписи в том, что в нее по инициативе И. В. Сталина был добавлен вопрос о религии.

По данным переписи, 42 % опрошенных отнесли себя к православным. Но эти данные можно подвергнуть критическому анализу. Так как перепись проходила во время террора, людей иногда арестовывали из-за того, что у них дома хранилась религиозная литература. Из «Докладной записки в ЦК ВКП (б) об отношении верующих к переписи населения 1937 г.» становится понятно, что ходили слухи: верующих людей будут ссылать, а детей из этих семей отчислят из школы. Скорее всего, численность верующих была не меньше 50%; очевидно, что многие боялись открыто говорить, к какой религии они относятся.

Скрытая религиозная жизнь продолжала свое существование даже после репрессий, но об этом стало известно властям. Е. М. Ярославский писал: «После закрытия церковей многие священнослужители превращались в «попов-передвижек». Они путешествовали по поселкам, селам, деревням вместе со своими принадлежностями и читали молитвы, Евангелие, совершали религиозные обряды. Также об этом говорил и митрополит Сергей Воскресенский в 1930-х гг.: «В России была вообще очень деятельная тайная религиозная жизнь – тайные священники и монахи, катакомбные церкви и богослужения, крещения, исповеди, причащения, браки, тайные богословские курсы, тайное хранение богослужебной утвари, икон, богослужебных книг, тайные сношения между общинами, епархиями и Патриаршим управлением». Он отмечает, что если представить невозможное и всё это уничтожить, то вера останется и окрепнет, а атеизм не сделал бы шаг вперед.

Началась Великая Отечественная война. После того, как фашисты начали одерживать первые победы, люди стали обращаться за духовной поддержкой к Церкви. Во многих уголках страны верующие люди стали просить властей, чтобы начали открывать храмы, порой инициаторами были и председатели колхозов; а местные руководители уже не чинили препятствий, а иногда сами,

от своего имени, направляли заявления, которые были подписаны активом верующих, в вышестоящие инстанции.

Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви по Сталинградской области подтвердил, что заявления об открытии церквей часто подписывали молодые женщины: «Эти гражданки стали религиозными и даже фанатиками в связи с последствиями Отечественной войны. Например, медицинская сестра больницы города Урюпинска Бурова П. П. 1913 г. рождения, говорила, что до Отечественной войны она не верила в Бога, но когда она получила письмо о смерти ее мужа на фронте, то она стала одинокой, постигшее ее горе стало тяжело переживать, и ей монашки посоветовали молиться Богу. И с этого времени Бурова стала активным религиозным человеком. А другие, похожие на Бурову, стали молиться Богу, чтобы он сохранил жизни своих мужей, детей, которые находились на фронте».

Было бы правильно отметить, что во время войны и отношение Сталина к Церкви изменилось в лучшую сторону. Беседа И. В. Сталина и трех русских иерархов состоялась 4 сентября 1943 года, а 28 ноября 1943 года Совет Народных Комиссаров принял Постановление № 1325 «О порядке открытия церквей». Для решения этой задачи была разработана многоступенчатая процедура разрешения, что могло позволить властям контролировать число открываемых храмов. Этот прогресс был «видел на лицо». Если в 1941 г. Русская Православная Церковь подсчитывала 3021 храмов, которые действовали, то к сентябрю 1943 года их было уже 9829; в 1944 г. было открыто 208 храмов, а в 1945 г. — уже 51021.

Во время войны несколько миллионов русских людей пришли к вере. Но не только мирное население, но и солдаты, а также и военачальники, не обращая внимания на преследование, откровенно ходили на церковную службу, принимали участие в молебнах и крестных походах. В рождественскую ночь 1944 г. 30 церквей Москвы посетило 120 тысяч, а 60 храмов Подмосковья — 20 тысяч человек. Во многих городах России число посетителей храмов в православные праздники превышало их вместимость в 3-5 раз.

Также стали публичны заявления священников, которые проводили службу на присоединенных к СССР территориях. Настоятель собора в одном из городов России, в котором была Советская армия, отметил, что с осени 1939 по январь 1940 г. число крещений возросло более чем в четыре раза. Даже коммунисты и работники НКВД крестили своих детей. Случалось, что детей целенаправленно привозили из глубинки страны.

В праздничные, особенно в пасхальные, дни Церковь была переполнена советскими офицерами. На Украине и в Белоруссии церковной жизни почти не было, и те, кто происходил из семей православных, не получили крещения в

годы гонений, были крещены в течение полугода после фашистской оккупации. Протоирей Владислав Цыпин, историк Русской Церкви, писал, что численность православно крещенных в послевоенные годы составляла 150 млн человек, но не все, конечно, были сознательно верующими людьми.

Если сравнивать с довоенным периодом, то к 1 апреля 1946 г. число открытых церквей дошло до цифры 10547, из них 6077 были на Украине, 29270 – в России, 621 – в Белоруссии, 584 – в Молдавии и 244 в Прибалтике. 75 монастырей было насчитано к концу войны.

Социологический опрос, проведенный в 1995 г. среди воинских частей, которые вели боевые действия в Чечне, показал, что при постоянной опасности религиозность военных резко растет. И если в мирное время количество военных, которые относят себя к верующим, составляло 27-28 %, то в «горячих точках» верующих военных было 40 %. Естественно, что рост религиозности в Великую Отечественную войну был гораздо больше.

Итак, можно сделать вывод, что о высоком религиозном подъеме в годы войны свидетельствуют многие источники и что Православная Церковь имела значительное влияние на жизнь советских военных людей в то время.

Библиографический список

1. Алексеев, В. И. Русская Православная Церковь на оккупированной территории / В. И. Алексеев. – М. – 1982. – 79 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1937 г // Краткие итоги. – 1991. – С. 104-115.
3. Известия 1943 г. 5 сент. // Журнал Московской Патриархии № 1. – 1943. – С. 5.
4. Кириченко, О. В. Особенности традиции духовничества в советский период / О. В. Кириченко. – М., 1999. – 126 с.
5. Цыпин, В. А. История Русской Церкви VI. Русская Православная Церковь в Великую Отечественную войну / В. А. Цыпин. – М., 1997. – 36 с.

И. А. Коробецкий, Ю. Л. Шулина

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск

Орчанки в Великой Отечественной войне

Советские женщины наравне с мужчинами были равноправными защитниками своей земли, своих детей. Участницы вооруженной борьбы с фашистской Германией показывали пример беззаветного служения Родине, своему народу. Среди героев Великой Отечественной войны были и орчанки.

В 1941 г., через полтора месяца после проводов мужа на фронт, получила на него похоронку **Зоя Александровна Мордвинцева**. «Больше мама не могла оставаться дома – вспоминает ее сын А. Мордвинцев, – и пошла воевать добро-

вольцем». 7 ноября 1941 г. Зоя Александровна, пройдя в парадном строю по Красной площади, попала в район боевых действий под Сталинградом. В ходе боев принимала участие в вылазках в тыл врага для сбора разведанных. Вернулась с войны Зоя Александровна в конце 1943 г., но вскоре умерла – сказались фронтовые ранения. Ей было всего 39 лет...

В январе 1941 г. **Полина Андреевна Алимасцева** окончила Оренбургское медучилище и была направлена на работу в Кувандык. Но трудиться ей пришлось недолго. Повестку принесли 23 июня в 6 часов утра. В Оренбургском областном военкомате из присутствующих медработников сформировали три госпиталя для фронта и несколько тыловых, которые были расположены в Оренбурге и области. Всем присутствующим выдали обмундирование, теплые вещи, лопатки и медицинские сундучки. Подготовка для отправки на фронт заняла почти месяц, а путь до Москвы – неделю, так как железная дорога была перегружена: раненых везли в тыл, эвакуировались заводы и люди.

Первое боевое крещение Полина получила на одном из вокзалов Москвы, которую бомбили круглосуточно. Молодые девчонки испугались и от растерянности лезли под вагоны, но бывалые солдаты предупредили их, что под вагонами прятаться опасно, лучше спастись в воронках от бомб. Тяжелораненых бойцов отправляли в тыл. Обычно госпиталь на одном месте не находился. Если армия наступала или отступала, то госпиталь соответственно перемещался.

Так было до тех пор, пока Москва была в опасности. Когда немцы отошли, госпиталь, в котором работала Полина Алимасцева, перевели под г. Ржев. Однажды, вспоминала она, ей пришлось сопровождать нашу санитарную машину. В это время фашисты наступали на город. Раненых было много. Она помогала их перевязывать и отправлять в тыл. После отправки раненых с последней машиной выехала из города. До места добирались просёлками и перелесками.

Вскоре Полина заболела, лечиться ее отправили в Полтавский госпиталь, который находится недалеко, а затем оставили работать при нём. Прошло шесть месяцев, и П. Алимасцева вновь была направлена на фронт в действующую армию, в Сибирскую дивизию № 178, в 218-й медико-санитарный батальон.

П. Алимасцева была в Прибалтике, когда пришла Победа. Она награждена медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», орденом Отечественной войны, в мирное время – многочисленными грамотами и медалями.

Сестричка – так на фронте называли **Ольгу Петровну Валуйскую**. По окончании краткосрочных курсов медсестер, организованных при обществе Красного Креста в Соль-Илецке, Ольгу Петровну направили на работу в только что развернутый в городе эвакогоспиталь. Так, в 17 лет она стала палатной медицинской сестрой. В госпиталь поступали раненые разной степени тяжести, с

ампутациями и с тяжелыми гнойными осложнениями. Одни из них были лежащими, другие передвигались на костылях, третьи не могли даже самостоятельно есть и пить. Медперсонал старался отдать им всю теплоту своей души и этим облегчить боль и страдания.

На попечении Ольги Петровны находилось 40-50 раненых. За всеми ими надо было ухаживать, водить на перевязки, выполнять назначения врача, кормить и поить, а кого-то и поддержать морально. Но ее мечтой был фронт. Осенью она подала заявление в военкомат о призыве добровольцем в армию и отправке на фронт. 15 февраля 1942 г. группу медсестер, где была и Ольга, направили в Чкаловский облвоенкомат. Здесь их обмундировали, посадили в поезд и повезли на запад. Ехали долго и в марте прибыли в г. Елец, где поступили в распоряжение начсанслужбы 3-й армии. Из Ельца ее и еще нескольких девушек направили на станцию Чернь Тульской области.

Полевой передвижной госпиталь (ППГ) располагался в деревенских домах. Койки были только для тяжелораненых, остальные лежали на соломе, брошенной на пол. В палатке располагалась только операционная. Ольгу Петровну назначили операционной сестрой. Она выполняла первичную обработку ран, извлекала пули, осколки, делала операции. Всеми силами боролась за жизнь каждого раненого. Повидала много крови, ампутаций, смерти. Особенно было трудно работать по ночам при лампе-коптилке из артиллерийской гильзы. Часто операционная была буквально завалена окровавленными бинтами и наполнена стопами раненых...

В декабре 1942 г. Ольгу Петровну перевели в распоряжение начальника санлетучки. Санлетучка – это поезд из 13 товарных вагонов, в одном из которых находился склад и кухня, и одного пассажирского – для персонала. Товарные вагоны были оборудованы двухъярусными полками, матрасы и одеяла имелись только в тех, где размещались тяжелораненые. Посреди вагона – печь-буржуйка и стол. На каждый вагон по санитару, а на три вагона одна медсестра. Задача состояла в транспортировке раненых из ППГ и медсанбатов со станций Чернь и Скуратов в эвакогоспитали города Тулы. Перевозку проводили под покровом ночи, чтобы не попасть под бомбежку. Но не всегда это спасало. Самолеты появлялись всегда неожиданно...

Но фронтовой госпиталь – все же не фронт. А Ольга Петровна стремилась попасть на передовую, чтобы оказывать помощь на поле боя. Подала рапорт о переводе в действующую часть, и ей пошли навстречу. В октябре 1943 г. ее перевели на должность санинструктора 219-го минометного полка 19 артдивизии прорыва РГК. Дивизия была направлена в район города Великие Луки. Своими глазами видела она, как он горел, и слышала о тяжелых боях в районе деревни Тележниково. Даже не предполагала, что в таких жестоких боях придется и ей

оказаться. «Наш минометный полк подошел к ст. Новосokolьники и заняли позицию на открытом месте. Бой оказался ожесточенным. Появились первые убитые и раненые. Со всех сторон стали звать меня на помощь. «Сестренка, Оля, помоги». Первого раненого перевязала и перетащила на себе... Тяжелораненых тянула ползком на волокуше в укрытие. Я уже перестала считать, сколько раненых вытащила из-под огня, а их все не убавлялось. В какой-то момент почувствовала усталость, руки и ноги начали дрожать – не от холода, а от упадка сил. Снова и снова шла к бойцам, чтобы вовремя оказать им помощь, под конец совсем выбилась из сил, и санитарная сумка оказалась пустой. В таком сражении больше мне участвовать не приходилось. Только тогда я поняла, что значит фронт, и вспоминала слова матери: «Дочка, ведь там стреляют, могут убить! С кем же я буду растить твоих троих братьев и сестер? Ведь ты у меня единственная помощница». К счастью, меня не убили, даже не ранили».

За этот бой Валуйская О. П. была награждена медалью «За боевые заслуги». Потом ее перевели на Прибалтийский фронт, где она участвовала во многих боях, ее наградили медалью «За отвагу», а в декабре 1944 г. демобилизовали по болезни.

А вот **Татьяна Гавриловна Савченко** получила повестку 15 мая 1942 г. Ее вместе с подругами сначала определили в трудармию. Однако вскоре пришел приказ: девушек с образованием 7 классов и выше направлять в действующую армию. После прохождения медкомиссии будущих защитниц отправили в Орскую школу младших специалистов, где они изучали военную технику. Через полгода, присвоив звание младших сержантов, оружейниц отправили на фронт и распределили по эскадрильям. Задача оружейниц: снаряжение самолетов бомбами и снарядами. Нагрузка для хрупких девичьих рук приличная. Правда, бомбы весом по 50 килограммов им помогали подносить механики. Татьяна Савченко воевала под Тулой, под Орлом, под Курском... Она была награждена медалью «За боевые заслуги». После войны переехала в г. Орск, работала на нефтеперерабатывающем заводе.

Ветераны Великой Отечественной войны в своих воспоминаниях часто упоминают имена девчат, которые на фронте не только вытаскивали с поля боя раненых, лечили, кормили, но и поднимали боевой дух солдат. Политико-воспитательную работу среди бойцов вела в годы войны и **Н. Кирюшкина**. Она оказалась на фронте в 1942 году, записавшись добровольцем. Из воспоминаний Н. Кирюшиной: «В Москве на нас, девчат-добровольцев, обратили внимание, направили учиться по политической части. Когда закончили учебу, я попала в 3-ю танковую армию, которую формировал под Тулой известный полководец Н. Рыбалко. В сражении впервые увидела залпы прославленных «катюш». Вообще же, словами передать ту битву невозможно. Здесь я познала в

полной мере, что такое страх. На участке военных действий, где сражалось и наше подразделение, прорвались неприятельские танки. Но всё обошлось. Фронтовые дороги и после Курска продолжались...». Вскоре она была откомандирована в 57-ю стрелковую армию, которая освобождала Болгарию, Югославию, Австрию, где и встретила Победу. Она видела многих военачальников, и в том числе и югославского военного деятеля Броз Тито. По окончании войны проходила службу до 1948 г. в Румынии, затем командование направило ее в г. Орск. Здесь она вышла замуж. По увольнении в запас в 1952 г. работала инспектором в отделе кадров на заводе «Южуралмаш».

Когда мы говорим о Великой Отечественной войне, то в первую очередь вспоминаем людей, отдавших свою жизнь за спасение Родины. Но эта Победа не только их, но и миллионов девушек и женщин, которые совершали подвиг, ни разу не взяв в руки оружия. Это матери, проводившие сыновей, невесты и жены, ждавшие своих мужей, и вдовы, которых осталось после войны очень много.

В условиях войны от работы миллионов женщин в тылу во многом зависели успехи советского народа на фронте. Подвиг тружениц тыла был равен подвигу воинов на фронте. Преодолевая величайшие трудности военных лет, не щадя сил, они делали все, чтобы обеспечить фронт тем, что требовалось для победы над врагом. Женщины собирали средства в фонд обороны страны, продукты и одежду для населения, пострадавшего от оккупантов, становились донорами.

Весомый вклад в Великую Победу внесли оренбуржцы, днями и ночами работая на всех участках трудового фронта: на заводах и фабриках, строящихся новых предприятиях и объектах военного и мирного назначения, в колхозах и совхозах. За военные годы промышленное производство области выросло по сравнению с 1940 г. в 3,9 раза. Урал, в том числе и наша область и наш г. Орск, стал «опорным краем державы». Многие трудовые коллективы были удостоены высоких государственных наград. Орский нефтеперерабатывающий завод им. Чкалова и комбинат «Южуралникель» награждены орденами Отечественной войны I степени, механический – орденом Ленина, Орский мясокомбинат и трест «Южуралтяжстрой» – орденами Трудового Красного Знамени.

Трудовые подвиги совершали старики и женщины, и даже дети, заменив ушедших на фронт отцов, мужей. В августе 1941 г. в воскресниках по восстановлению эвакуированных предприятий в Орске работало более 2 тысяч человек, 65% из них женщины. В те тяжелые, трудные годы отменялись очередные отпуска, стали обязательными сверхурочные работы; на производстве вводилась военная дисциплина. Приходилось работать за двоих.

На ЮУНК в годы войны пришло 450 домохозяек. От произведенной на комбинате продукции зависела судьба танковой и авиационной промышленности, прочность бронзового листа. В 1941 г. предприятие освоило выплавку кобальта, а в 1942 г. стало давать оборонной промышленности никель высокой чистоты. На производстве был введен 12-часовой рабочий день. Свой вклад в дело разгрома врага внесли и работницы ЮУНК, среди них была и **Мария Иосифовна Мочалова**. На комбинате она была первой женщиной-инженером. Сначала работала в должности сменного инженера в дробильно-агломерационном цехе, готовила кадры сложной профессии, а в годы войны она стала руководителем ремесленного училища № 1.

В годы Великой Отечественной войны на ЮУНК гремела слава бригады **Марии Степановны Озерцовой**. Возглавляемая ею бригада электролитчиц сделала очень многое для того, чтобы цех выдавал больше металла высокого качества. Разработанные М. С. Озерцовой методы и приемы обслуживания электролизных ванн помогли десяткам электролитчиц значительно увеличить съем продукции с имеющихся агрегатов. Озерцова была инициатором соревнования за одновременное обслуживание большого количества агрегатов. Ее примеру затем последовали гидрометаллурги второго цеха. Озерцовой было присвоено почетное звание «Лучшая электролитчица министерства цветной металлургии». Потом Мария Степановна без отрыва от производства закончила техникум и долгие годы работала сменным мастером цеха № 2.

Это рассказ лишь о некоторых орчанках, о их нелегкой жизни и судьбе в далекие годы... Путь к Победе был тяжелым и трудным; она досталась ценой огромных жертв и материальных потерь. Во имя Победы погибло около 27 миллионов наших соотечественников. Советский народ проявил массовый героизм и на фронте, и в тылу. Родина высоко оценила подвиг тех, кто сражался на фронтах и вклад тружеников тыла; многие были награждены орденами и медалями. Сразу после окончания войны многие орчанки, работающие на оборонных предприятиях, были удостоены памятной медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Их труд золотыми буквами вписан в героическую летопись истории нашей Родины.

Библиографический список

1. Орская Городская энциклопедия. – Оренбург, 2007.
2. Защитники Отечества. – Орск, 2003.
3. Защитникам Отечества Ленинского района г. Орска 1941-1945. – Орск, 2005.

А. А. Косумов, Ж. С. Бегимбаева
Государственное учреждение средней школы-гимназии № 9 (ГУ СШГ № 9),
г. Актобе, Республика Казахстан;
Актюбинский региональный государственный университет
им. К. Жубанова, Республика Казахстан

Историко-филологический аспект романа-трилогии Ильяса Есенберлина «Кочевники»

Ильяс Есенберлин – яркий писатель современности, один из наиболее «читаемых» авторов казахской литературы, широкую известность которому принес роман «Кочевники». В первую очередь, роман-трилогия «Кочевники» – это многоплановое произведение, воссоздающее историю казахского народа и его правителей (потомков Джучи-хана), но, несмотря на переплетение многих исторических событий, безусловно, это классическая литература [3, 63].

Произведение богато не только историческими лицами, но и историческим периодом, которое оно охватывает, а именно: в трилогии показан процесс объединения казахских племен после распада империи Тимура, борьба с иноземными захватчиками, а также дается подробное историческое объяснение присоединения Казахского ханства к России. Сам роман был переведен на многие иностранные языки, что дало иностранцам четкое представление о кочевниках Средней Азии, которые на протяжении двух тысячелетий играли значительную роль в развитии государств от Дальнего Востока до Западной Европы, от Сибири до Индостана [4, 81].

Ильяс Есенберлин создал в своей трилогии незаурядные исторические образы наиболее влиятельных представителей прошлого казахского народа, точно изобразив при этом иерархию степных правителей. Так как этому сложному времени посвящены многие научные труды и исследования, то роман известного казахского писателя Ильяса Есенберлина восполняет пустоту, существовавшую до сих пор в художественной литературе казахского народа. Книга дает читателю подробную информацию о том, чем занималась в этот период огромная страна кочевников от границ Китая на востоке до Каспийского моря на западе, то самое государство, которое сначала растоптали жестокие завоеватели и где потом они забирали мужественных джигитов для своих дальнейших жестоких кампаний [1].

Так же стоит отметить, что «Кочевники» – это исторический роман-хроника, отображающий исторические действия и события, которые происходили в большой Казахской степи в период зарождения и становления государственности после монгольского нашествия. Однако есть одна особенность трилогии Ильяса Есенберлина, отличающая ее от других произведений подобного

рода. Дело в том, что роман-хроника пишется обычно по летописям и документам, имеющимся в архивах и хранилищах той или иной страны, того или иного народа. Но казахи – это кочевая цивилизация, не имевшая в средние века своей письменности. Тем не менее, казахская летопись велась из года в год, из века в век, из поколения в поколение. И хоть это была устная летопись, к ней можно относиться как к серьезному источнику. К письменным документам, тем более к летописям, имел обычно отношение весьма ограниченный круг лиц, причем зачастую лиц, заинтересованных в определенной исторической версии. В то же время устная летопись всегда хранилась в памяти народа и называлась всенародной, и не было в кочевой степи рода и семьи, где бы не знали эту историю. Так и дошла она до наших дней, пройдя через многие поколения.

Но все же прежде всего Ильяс Есенберлин собрал и проанализировал огромное количество информации, используя многие письменные документы самых различных народов, имеющие отношение к судьбе казахов. И, конечно же, в полной мере привлечены им работы советских историков, в том числе самые последние достижения исторической науки, археологии, этнографии, лингвистики. Следует сказать о той роли, которую играет народ в романе. Что бы ни происходило, народ зримо и незримо присутствует на всех его страницах. Будь то суровый Абулхаир или султан Джаныбек – все они невольно должны считаться с настроением кочевой массы, «кара сук», составляющей основу ополчения для армии. Ее можно обмануть на какой-то срок, эту массу, но, когда обман затягивается, дело кончится плохо для властителей. Они либо терпят политический крах, как Абулхаир-хан, либо гибнут, либо изгоняются, как Бурундук-хан и все те, кто хочет упорно противостоять народному мнению. Всем своим строем роман утверждает, что не ханы или султаны, а именно народ – настоящий творец истории.

Рост исторического самосознания казахского народа, его интерес к истокам национальных культур и традиций, к ключевым основам единения и дружбы различных наций, поиски факторов, объединяющих народы, – вот что подтолкнуло Ильяса Есенберлина на создание «Кочевников». Трилогия И. Есенберлина — значительное явление в казахской литературе не только потому, что она рисует перед читателями цельную картину истории казахов; в ней поставлены и разрешены общезначимые нравственные проблемы – проблема мира и войны, борьбы за свободу, единения народов, то есть все произведение проникнуто историей.

Книга «Кочевники» повлияла на восстановление исторической основы для казахской молодежи. Это являлось целью всей жизни Ильяса Есенберлина, он много лет потратил на сбор и анализ всех фактов. Тема национального освободительного движения в Казахстане до Ильяса Есенберлина была закрытой

темой. Выдающийся писатель вернул имена многих наших ханов и батыров, достойных уважения и подражания. С обретением Казахстаном независимости понятие о гражданском подвиге писателя становится все сильнее и сильнее, ведь, возможно, во многом благодаря трилогии И. Есенберлина казахский народ стал более бережно относиться к своей истории, стали серьезнее в оценке своих достижений. И прав И. Есенберлин, который как-то заметил, что чем больше человек думает о будущем, тем больше он должен думать о прошлом.

Знание истории необходимо нам для того, чтобы, использовать накопленный опыт и сформировать свою жизненную позицию. Даже на могиле писателя написано четверостишие: «Я написал историю, постарался открыть это своему народу, чтобы он шел под знаменем справедливости в будущее»[2]. Он понимал, что у казахов нет исторической опоры, ведь в школьных учебниках давали ничтожно мало информации о прошлом казахского народа, будто прошлого у этого народа не было. Но потребность в таких знаниях была огромна. Писатель хотел показать, что Казахская степь не возникла на пустом месте, это древнейшая культура. Ведь эта культура дала человечеству много открытий, а главное – философию кочевой цивилизации.

Библиографический список

1. Есенберлин, И. Кочевники (Трилогия) / И. Есенберлин. – А., 2004. – 456 с.
2. Есенберлин, И. «Кочевники» и жажда жизни / И. Есенберлин // Газета «Караван», 2014, 5 сентября.
3. Игибаев, С. К. История Казахстана в источниках и материалах : учебное пособие / С. К. Игибаев. – Астана : Фолиант, 2013.
4. Назарбаев, Н. А. В потоке истории / Н. А. Назарбаев. – А., 2000.

Т. А. Кучма

Школа-интернат, г. Новотроицк

Фальсификация итогов Второй мировой войны

Кампания по изъятию и искажению реальных исторических фактов о Второй мировой войне последовала сразу после подписания акта о безоговорочной капитуляции Германии. Огромный вклад советского народа в победу над нацизмом трудно переоценить. С фальсификацией исторических событий человечество столкнулось ещё на заре первых цивилизаций. В наши дни эта проблема достигла своего апогея и выражается в беззастенчивых попытках ревизии результатов Второй мировой войны.

Нацисты в своём стремлении уподобить третий рейх римской империи, слепо копировали символику и ритуалы последней, подражали своим кумирам из прошлого и в межгосударственных отношениях, в плане линии поведения с подвластными и союзными странами. Амбиции националистического руководства Германии были так обширны, что планировалось строить и писать историю, чётко отвечающую интересам и потребностям «тысячелетнего Рейха». Этим грандиозным планам не суждено было сбыться, благодаря решающему вкладу Советского Союза в Победу во Второй мировой войне. Советские солдаты ценой своих жизней спасли миллионы других людей от порабощения и физического уничтожения, избавили целые страны от разрушения и забвения, помогли многим народам сохранить свою культурную и политическую независимость.

Ведущая роль Советского Союза и его граждан в победе над нацизмом после окончания войны не подвергалась сомнению. В мае 1945 года никто не пытался пересмотреть важность борьбы за выживание человечества, которую вели Объединённые нации против общего врага. Сегодня, по прошествии семидесяти лет после окончания Второй мировой войны, на полях информационных войн происходит осквернение памяти тех, кто пожертвовал своими жизнями ради мирного будущего миллиардов людей, и возвеличивание гнусной роли пособников нацизма.

Попытки представить Советский Союз в виде пособника гитлеровской Германии в деле развязывания Второй мировой войны не отличаются особой оригинальностью. С подобными заявлениями некоторые западные исследователи выступали довольно давно, но этих маргиналов от исторической науки всерьёз никто не воспринимал. С новой силой эти идеи расцвели после распада СССР, когда к заявлениям западных экспертов, присоединились страны с антироссийски настроенной научной и политической элитой, в число которых входили государства Западной и Восточной Европы, Прибалтика, а позднее присоединилась и Украина. Смысл и цель новой атаки на прекративший более двух десятилетий назад своё существование Советский Союз просты и понятны: укрепить в массовом сознании мрачный, негативный образ этого государства как аналога нацистской Германии, только с другой идеологической концепцией [3, 332-336].

Неудивительно, что сегодня в западной Украине героизировали С. Бандеру и его последователей как борцов с большевистскими оккупантами, в Прибалтике процветает культ ветеранов войск СС и «лесных братьев», а памятники советским воинам-освободителям сносятся или демонтируются, а на их месте возводятся обелиски, по сути, с нацистской символикой. Следовательно, память о самой разрушительной и кровавой войне в истории XX века стирается, усту-

пая место реальной и последовательной фальсификации истории второй мировой войны.

Рассмотрим несколько примеров: зарубежные историки (Ф. Фабри, Д. Ирвинг) проповедовали о том, что политическая элита Советского Союза в 1941 г. рассчитывала первой начать превентивную войну против Германии. Они апеллируют к резолюции, которую якобы наложил первый заместитель начальника Генерального штаба Н.Ф. Ватутин на план стратегического развертывания войск на Западной границе СССР, принятый в марте 1941 г. «Наступление начать 12.6». Но такое важное политическое решение принимает только высшее руководство страны, а не Генеральный штаб. До сих пор не найдено убедительных фактов и документов о подготовке СССР к нападению на Германию [1, 6-26].

Особенно настойчиво в послевоенной историографии пропагандируется идея, что важнейшие сражения Второй мировой войны происходили не на советско-германском фронте и исход вооруженного конфликта двух блоков решался не на суше, а, главным образом, на море и в воздушном пространстве, где США и Англия проводили эффективные боевые операции. Авторы этих идей утверждают, что главной силой антигитлеровской коалиции были США, так как они имели наиболее мощные вооруженные силы среди капиталистических стран. Такие взгляды на роль стран антигитлеровской коалиции в победе над нацизмом прослеживаются, например, в 85-томной «Истории Второй мировой войны», подготовленной историками из Великобритании, 25-томной американской «Иллюстрированной энциклопедии Второй мировой войны» и многих других. С июня 1941 г. до открытия второго фронта 6 июня 1944 г. на советско-германском фронте было сосредоточено 92-95 % сухопутных войск Германии и её сателлитов, в течение войны – от 74 до 65 %. Советскими вооруженными силами было разгромлено 507 немецких дивизий и 100 дивизий её союзников, почти в 3,5 раза больше, чем на всех фронтах Второй мировой войны. В июне 1944 г. против Красной Армии действовало 181,5 немецких и 58 дивизий союзников Германии. Американским и английским войскам противостояло 81,5 немецких дивизий. Следовательно, Советский Союз внёс решающий вклад в разгром Германии и её союзников.

Широко известно, что общие потери Советского Союза в войне составляют 27 миллионов человек, из 18 миллионов – это мирное население, замученные и погибшие в результате зверств нацистов и их пособников на оккупированной территории. Безвозвратные потери среди советских солдат, которые были убиты, без вести пропали, попали в плен и не вернулись из него, умерли от болезней и ран, в результате несчастных случаев, составили более 9 миллионов человек.

Утраты вражеского блока составили: 7,4 млн человек потеряла Германия, 1,2 млн – её союзники в Европе, 700 тыс. чел. – Япония в Маньчжурской операции, не считая потерь вспомогательных частей из числа иностранных формирований, воевавших на стороне нацистов (по некоторым данным – до 500-600 тыс. чел.) [2, 336-351].

Принятие на Парламентской ассамблее ОБСЕ в июле 2009 г. вильнюсской декларации, полностью отождествляющей роль Советского Союза и нацистской Германии в развязывании Второй мировой войны, делает её абсолютно безнравственной. При этом многие западные историки и политики стараются нивелировать роль европейских стран и государственных деятелей в предвоенные годы, которые своим попустительским поведением перед нацистским режимом Гитлера, начиная в период Гражданской войны в Испании и завершая «мюнхенским сговором» Н. Чемберлена [5] и Э. Даладье [6], потворствовали Гитлеру и его сторонникам в развязывании международной катастрофы. Также в декларации содержится призыв сделать 23 [4] августа днём памяти жертв сталинизма и нацизма – ещё одно звено в политизации истории.

Фальсификация итогов второй мировой войны – это часть информационно-пропагандистской борьбы против единства и независимости России, если мы её проиграем, мы рискуем потерять будущее и останемся в памяти человечества агрессорами и варварами. Поэтому нужно не только проводить эффективную и результативную работу против фальсификации истории Второй мировой войны, но и против искажения всей мировой истории.

Библиографический список

1. Куманёв, Г. Наш вклад в победу над фашизмом : правда и вымысел / Г. Куманев. – М. : Ориентир, 2006. – № 7. – С. 6-26.
2. Куманёв, Г. Подвиг и подлог : страницы Великой отечественной войны 1941-1945 гг. / Г. Куманев. – М. : Русское слово, 2007. – С. 336-351.
3. Орлов, А. А. Начало Второй мировой войны как повод к фальсификации истории / А. А. Орлов. – М. : Вестник МГИМО, 2009. – С.332-336.
4. День подписания советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г.
5. Премьер-министр Великобритании с 28 мая 1937 г. до 10 мая 1940 г.
6. Премьер-министр Франции с 10 апреля 1938г. до 21 марта 1940 г.

История становления и развития внешкольного воспитания в Оренбуржье в 50-х годах XX века

Система дополнительного образования в России, являющаяся преемницей системы внешкольного воспитания СССР, исторически (как и сейчас, так и в советский период) выполняла важнейшую функцию по раскрытию творческих способностей, самореализации, вовлечению обучающихся в различные отрасли науки и техники, помощи в определении своей профессии и формированию необходимых компетенций, необходимых для успешного поступления и обучения в средних специальных и высших учебных заведениях.

В пятидесятые годы XX в. в Оренбургской (Чкаловской) области, как и по всему Советскому Союзу, шло значительное увеличение количества действующих учреждений внешкольного воспитания.

Областными партийными и советскими органами государственной власти ставилась задача расширения сети учреждений внешкольного воспитания по всей территории Оренбургской (Чкаловской) области, включая сельские районы. В Оренбуржье в этот исторический период открыли свои двери для детей 17 многопрофильных внешкольных учреждений; заметно расширилась география, большой охват обучающихся, многие из которых проживали в сельских районных центрах. Среди пополнивших ряды многопрофильных внешкольных образовательных учреждений были: Новотроицкий Дом пионеров и школьников, Дом пионеров имени Зои Космодемьянской в городе Бузулуке, Кувандыкский Дом пионеров, Орский Дом пионеров имени В. П. Синчука, Шарлыкский Дом пионеров, Октябрьский Дом пионеров, Пономаревский Дом пионеров, Саракташский клуб пионеров, Абдулинский Дом пионеров, Соль-Илецкая детская техническая станция, Акбулакский Дом пионеров, Грачевский Дом пионеров и школьников, Домбаровский Дом пионеров и школьников, Илекский Дом пионеров и школьников, Александровский Дом пионеров, Беляевский Дом пионеров и школьников, Новосергиевский Дом пионеров и школьников [3, 375-388].

Так, в одном из открывшихся в пятидесятые годы прошлого столетия многопрофильном учреждении – Доме пионеров и школьников Кувандыка – основными направлениями деятельности являлись многопрофильная кружковая работа; учеба пионерского и комсомольского актива; проведение общероссийских игр «Зарница», «Мое Отечество»; организация и проведение детских творческих фестивалей, конкурсов, праздников; разноплановая методическая работа; разнообразная концертная деятельность.

Наряду с многопрофильными учреждениями внешкольного воспитания в Оренбургской области успешно функционировало и учреждения внешкольного воспитания технического, спортивного, краеведческого и агробιοлогического направлений.

До пятидесятых годов в Оренбургской (Чкаловской) области функционировала только одно внешкольное учреждение спортивного направления – это Бугурусланская ДСШ, открытая в 1945 году, а вот затем начали свою работу Новотроицкая ДСШ-1, которая открылась в 1953 году и Медногорская ДСШ, начавшая свою работу в 1954 году [3, 389-395].

Главной задачей системы внешкольного воспитания стало привлечение учащихся к техническому творчеству, занятиям спортом, в том числе и военно-прикладными видами; оказание помощи подрастающему поколению в овладении знаниями, навыками и умениями для производственно-трудоϋой деятельности по окончании школы.

В 1954 году в связи со сложившейся потребностью в изучении родного края, был открыт Оренбургский областной центр детско-юношеского туризма и краеведения (ОЦДЮТурК).

Возрождение краеведения началось с создания в школе № 34 Оренбурга Объединения юных историков. Там же возникло историческое краеведение, которое сегодня делится на историческое краеведение, географическое, экологическое. Школа № 27 города Оренбурга в 1950 году предложила систему школьных традиций; она открыла культурно-просветительское краеведение. Школа № 44 города Оренбурга в 1955 году создала систему экскурсионно-туристской работы с учащимися. В Орске органами советской власти выделялась работа исторического кружка, работавшего в школе № 8 города, руководителем которого являлась товарищ Бубчик [4, л. 54].

В тот исторический период нашей истории в честь семидесятилетия со дня рождения И. В. Сталина силами исторического кружка в Орске была проведена конференция, посвящённая жизни и деятельности вождя советского государства, на которой рассматривались вопросы: Каким он был в молодости, во время гражданской войны, его личный вклад в развитие СССР. В 1950-1951 учебном году кружковцами обсуждались доклады по таким темам, как «Декабристы и Пушкин», «Борьба русского народа в XVIII веке», «Орск: раньше и теперь», «Личность Ивана IV» [1, л. 54].

Работал при школе № 8 города Орска и физический кружок. Также в Орске на базе школ № 21, 26, 33 развивалось юннатовское движение. Однако со стороны гороно отмечалась слабая постановка работы юннатского движения в городе [4, л. 54].

В 1956 году начала работать в Орске городская станция юных техников, она имела притягательную силу для многих школьников. Здесь начинали свой путь в будущем известные в Оренбуржье и России судомоделисты, авиамоделлисты.

В кружке судомоделирования собрались обучающиеся из разных школ города, они с удовольствием мастерили суда и вскоре уже приняли участие в областных соревнованиях. Первые результаты оказались обнадеживающими, ученики педагога Георгия Васильевича Евсеева неизменно становились призерами соревнований, уступая лишь немного оренбуржцам [2, 162].

В данный период работы внешкольное воспитание характеризуется реализацией основных четырех направлений социально-педагогических функций, а именно таких, как гражданское и профессиональное самоопределение обучающихся детей, ими дополнительного воспитания и образования, получение коммуникативных навыков. При этом можно отметить существовавший формализм и парадность; индивидуальная и клубные формы работы заменялись массовостью различных государственных праздников [1, 53]. Однако уже в данный период в Оренбургской (Чкаловской) области был сформирован основной костяк системы внешкольного воспитания.

Можно констатировать, что в тот момент существовала большая потребность со стороны общества и государства в работе учреждений внешкольного воспитания и развитии данной системы. Поэтому местные органы советской власти уделяли большое внимание. Оренбургская (Чкаловская) область являлась ярким примером развития системы внешкольного воспитания в СССР.

Библиографический список

1. Лебедев, Ю. Д. Дополнительное образование / Ю. Д. Лебедев. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, – 2006. – 204 с.
2. Мусафиров, К. Ф. Шагать в будущее, не забывая о прошлом / К. Ф. Мусафиров. – Орск : МО ДОССАФ РФ г. Орска, 2012. – 256 с.
3. Образование Оренбургской области на рубеже XX – XXI веков. Часть II / под редакцией В. В. Попова. – Оренбург : ООИПКРО, 2004. – 515 с. – ISBN 5-7752-0092-6.
4. ОФ ГАОО. Ф. р-1, оп. 1, д. 121.

Развитие советского трудового права в годы Великой Отечественной войны

Уже в самом начале Великой Отечественной войны СССР потерпел ряд крупных военных поражений, потерял важные в народно-хозяйственном отношении районы, значительную часть своего населения. В таких условиях развернулась перестройка партийных, государственных и общественных организаций на военный лад. Основным направлением этой работы стало создание в стране экономики военного времени. Началась эвакуация промышленных предприятий и рабочей силы на Восток. Только за первые месяцы войны было эвакуировано более 1500 крупных предприятий. Одновременно разворачивалось строительство новых оборонных заводов, шло перепрофилирование предприятий с мирной продукции на выпуск военной. В результате этой колоссальной работы уже к лету 1942 года удельный вес военной продукции превысил половину промышленного производства всей страны. На военный лад перестраивались транспорт и организация продовольственного снабжения.

Условия военного времени определили особенности развития всех отраслей советского права этого периода. Уже 22 июня 1941 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении». Военное положение могло объявляться в отдельных местностях или по всему СССР. В местностях, объявленных на военном положении, все функции органов государственной власти переходили военным властям. Они получали право привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ (рытье окопов, строительство сооружений), устанавливать военно-квартирную обязанность для расквартирования воинских частей, объявлять автогужевую повинность, изымать транспортные средства как у государственных предприятий и организаций, так и у граждан, вводить комендантский час, проводить обыски и аресты, регулировать работу рынков, магазинов и складов, устанавливать нормы отпуска товаров населению, воспрещать въезд и выезд в отдельные местности, издавать обязательные для всего населения постановления. За неподчинение приказам и распоряжениям военных властей виновные подлежали уголовной ответственности по законам военного времени.

Трудовое право этого времени регулировалось на основе чрезвычайного законодательства. Уже 22 июня 1941 года был принят Указ Президиума Верховного Совета «О военном положении», которым вводилась трудовая повин-

ность для выполнения ряда работ. Самовольный уход с работы приравнивался к дезертирству.

На основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» директора предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли получили право вводить сверхурочные работы до трех часов в день. Отменялись все очередные и дополнительные отпуска, они заменялись денежной компенсацией, допускались только отпуска по болезни, по беременности и родам, работникам до 16 лет.

Условия военного времени обусловили издание Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» от 26 декабря 1941 года. Указ объявил рабочих и служащих военных предприятий мобилизованными и установил уголовную ответственность за самовольный уход, приравняв его к дезертирству. В сентябре 1942 года это положение было распространено на рабочих и служащих в прифронтовой полосе. К 1943 году были мобилизованы и приравнены к военнослужащим все работники железнодорожного, водного и воздушного транспорта.

Нехватка рабочих рук в промышленности обусловила принятие Указа Президиума Верховного Совета от 13 февраля 1942 года «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Он вводил трудовую мобилизацию трудоспособного городского населения. Мобилизации для работы на производстве и строительстве, в первую очередь в авиационной и танковой промышленности, промышленности вооружения и боеприпасов, в металлургической, химической и топливной промышленности, подлежали мужчины в возрасте от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет, не работавшие в государственных учреждениях и предприятиях.

Неучащаяся молодежь 16-18-летнего возраста подлежала направлению в ремесленные, железнодорожные и фабрично-заводские училища. Вводилась уголовная ответственность за уклонение от трудовой мобилизации.

В апреле 1942 года Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» устанавливалась обязательная норма от 100 до 120 трудодней. Колхозники, не выработавшие без уважительной причины обязательный минимум, предавались суду. К судебной ответственности привлекались председатели колхозов и бригадиры, покрывающие колхозников, не выработавших норму трудодней.

Таким образом, трудовое право этого периода характеризовали особый режим на производстве, система мобилизаций и повинностей, повышенная ме-

ра ответственности за нарушения трудовой дисциплины. Это соответствовало условиям военного времени и способствовало концентрации всех сил для отпора врагу.

А. А. Наглова

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск

Системы «Катюша» и «Андрюша»

В 1921 году в Газодинамической лаборатории города Москвы Н. И. Тихомиров и В. А. Артемьев приступили к разработке реактивных снарядов самолётов. Уже в 1929-1933 годах Б. С. Петропавловский совместно с другими сотрудниками Газодинамической лаборатории проводили испытания этих снарядов, а в 1937-1938 годах реактивные снаряды, разработанные под руководством Г. Э. Лангемака были приняты на вооружение.

Однако к началу Великой Отечественной войны было готово лишь семь пусковых установок реактивной системы. Всесторонней проверкой «БМ-13» занялся капитан первой экспериментальной батареи Иван Андреевич Флеров. Батарея состояла из семи пусковых установок «БМ-13», которые могли одним залпом выпустить 112 снарядов, 122-миллиметровой гаубицы для пристрелки и 44 грузовых автомашин, нагруженных 600 реактивными снарядами, горючим, техническим имуществом и продовольствием.

14 июля 1941 года был дан первый залп «Катюши» по железнодорожному узлу станции Орша Витебской области Белоруссии, куда прибывали войска и техника врага. Земля сотрясалась от взрывов, разразился ужасный пожар. После этого события немецкие войска ещё неделю не могли возобновить наступление в этом районе.

После боя под Оршей батарея И. А. Флерова функционировала ещё три месяца. Последний залп был дан в деревне Богатырь около города Знаменка, состоялся он 7 октября 1941 года. Почему же последний? Дело в том, что система «БМ-13» являлась секретной, был издан приказ об уничтожении «Катюши» при возможности попадания её в руки немцев. Так и произошло. Попав в окружение, батарея выпустила все снаряды, а затем бойцы взорвали установки, чтобы система не досталась врагу. Капитан батареи И. А. Флеров погиб в бою. Долгое время он считался без вести пропавшим, а 14 ноября 1963 года он был посмертно награждён орденом Великой Отечественной войны первой степени.

Первую батарею «БМ-13» народ свято чтит, помнит. В городах Орша, Рудня, у деревни Богатырь стоят величественные памятники верно служащей «Катюше».

Своё прозвище «БМ-13» получила в ходе спора в батарее И. А. Флерова. Как рассказывал Н. Соколов, член совета ветеранов 25-й тяжелогвардейской минометной бригады «Андрюш»: «Раз мы стреляем снарядами РС, – сказал один из сержантов батареи, Неяглов, – нельзя ли назвать батарею «Раисией»? Однако ему возразил сержант Махнутов. В этот момент известный весельчак, рядовой Иван Ястребов, запел знаменитую «Катюшу»: «Выходила, песню заводила...». И тут комбата Флерова осенило: «И наша батарея выходит на берег Днепра крутой, и песню заводит, да ещё какую! Я за то, чтобы батарею назвать «Катюшей!»». Все бойцы поддержали своего командира. С тех пор это название закрепилось за пусковыми установками системы «БМ-13» и «БМ-16».

В 1942 году вслед за «Катюшами» появились мощные «Андрюши», они же «БМ-30», «БМ-31».

Главной особенностью этой системы являлась пусковая установка. Её суть в том, что пуск снаряда осуществлялся из направляющих сотового типа. Направляющие представляли собой ячейки, которые состояли из четырёх труб и находились внутри связующих их восьмигранных обойм. Трубы каждой ячейки были расположены относительно друг другу, так что в поперечном сечении образовывали квадрат. Тем самым, эти ячейки являлись стволами, придающими снарядам направление полёта. Установки «БМ-30» и «БМ-31» были также оснащены приспособлением стопорения снарядов. Это приспособление являлось блокировкой, исключавшей возможность самопроизвольного пуска снаряда в походном положении всей установки. «Андрюши» имели подъёмный и поворотный механизмы, с помощью которых обеспечивалась достаточная точность и быстрота наведения пакета направляющих.

Наиболее сильной стороной систем типа «Андрюша» являлось то, что обычно стреляли вместе несколько бригад. Ударами накрывались целые гектары. Снаряды летели от полутора до четырех с половиной километров. При взрыве снаряда возникала воронка глубиной до двух с половиной метров и шириной до десяти метров. Один снаряд мог пробить кирпичную стену до семидесяти пяти сантиметров. Представьте, что происходило, когда снарядов, самих установок было несколько. Удары были мощнейшие!

«Андрюши» использовались обычно для прорыва на той или иной территории, а после бригады уходили на отдых. Пополнялся личный состав, комплектовались боевой техникой и снарядами. Работа с «БМ-30», «БМ-31» была адской. Бригады несли большие потери.

Летом 1944 года на вооружение поступили новые ракетные системы «БМ-12», те же «Андрюши», усовершенствованные. Теперь системы поступали на фронт уже в собранном виде и состояли из одного дивизиона, в котором были три батареи. Это было огромным плюсом.

День Победы бойцы реактивной артиллерии встретили в Берлине и Праге. А затем им ещё довелось воевать в Маньчжурии, где они громили Квантунскую армию милитаристской Японии, освобождать от агрессора территорию Китая и Северной Кореи.

Е. В. Нижник

МАУК «Орский краеведческий музей», г. Орск

Из истории строительства Орского нефтеперерабатывающего завода № 228

К началу Великой Отечественной войны в СССР доля высококачественного авиабензина составляла меньше 1% от всего производимого в стране топлива [1]. Поэтому уже в первый год войны начались переговоры с США о покупке НПЗ по производству авиабензина. 14 февраля 1943 г. ГКО принял постановление «О строительстве импортных нефтеперерабатывающих заводов». Всего предполагалось построить 4 НПЗ на основе оборудования, полученного из США по ленд-лизу. Один из них намечено соорудить в Орске. Новый завод получил номер 228. Его основой должна была стать установка каталитического крекинга «Гудри», на тот момент самая современная в мире. Место для будущего завода было выбрано рядом с уже существующим НПЗ им. Чкалова в районе посёлка Крекинг.

Приказом наркома нефтяной промышленности от 30 мая 1943 г. объявлено о форсировании подготовительных работ к строительству нового завода. К 1 июля Орская бригада «Нефтезаводпроекта» обязывалась выдать тресту № 1 Главнефтезаводстроя проект организации работ на стройплощадке. К 15 июля планировалось построить склады импортного оборудования, подъездные пути, лесопилку, завод шлакоблочных камней. К 30 июля необходимо было соорудить столовую, прачечную с дезокамерой, овощехранилище, 16 барачных на 1600 чел. и 6 землянок на 600 чел. Строительный трест должен был в течение июня обучить строительным профессиям 220 чел. В качестве разнорабочих предполагалось использовать 700 женщин из числа спецконтингента (российских немцев, призванных в трудовую армию) из Бугуруслана. 300 мужчин из числа спецконтингента предполагалось обучить монтажным специальностям. Всего же на

строительстве завода № 228 планировалось задействовать 4,5 тыс. рабочих и ИТР как вольнонаёмных, так и из числа спецконтингента [2]. Постановлением ГКО от 19 августа 1943 г. пуск завода определялся на январь 1945 г.

В сентябре 1943 г. на площадку стало прибывать импортное оборудование. До 20 октября 1943 г. во Владивосток поступило 19476 тонн оборудования для завода № 228 [1]. Основным поставщиком стала американская фирма «E. W. Badger and Sons Co». Через неё свои поставки осуществляли и другие американские фирмы. Так, электрооборудование поставляла фирма «General Electric». К марту 1944 г. стало ясно, что плановые сроки срываются. Так, к январю 1944 г. для завода № 228 получено около 69% общего тоннажа оборудования. По оценке американских экспертов, на 25 января 1945 г. строительные работы на заводе были завершены на 13%, а на 31 марта 1945 г. процент готовности составил 16% [1]. Причиной этого были: недопоставка и некомплектность оборудования, несвоевременный перевод документации на русский язык, необходимость строительства дополнительных объектов, нехватка кадров, причём не только квалифицированных. Разного рода ЧП также создавали трудности. Так, в феврале 1945 г. на складе импортного оборудования произошла авария пожарного водопровода, после которой пришлось ремонтировать новую контрольно-измерительную аппаратуру [3]. ГКО в 1945 г. дважды принимал постановления, призванные ускорить строительство импортных заводов, в том числе завода № 228 [4].

Летом 1945 г. ещё не всё оборудование было получено. В октябре 1945 г. назначена комиссия по выявлению отсутствующего оборудования, арматуры, трубопроводов и других материалов, необходимых для окончания монтажа бензоблока завода [5]. Для ускорения пуско-наладочных работ решено самостоятельно изготовить недостающие детали импортного оборудования, что и было сделано в ноябре [6].

На строящемся предприятии постоянно находились американские специалисты: в 1945 г. это были М. Парк и Р. Драммонд. В документах за октябрь 1945 г. упоминается иноспециалист Ф. Рис. Они жили в коттедже на ул. Достоевского, их обслуживали повар и прачка-уборщица. К каждому американцу наркоматом нефтяной промышленности был прикомандирован переводчик. Кроме того, в штате завода был переводчик-архивариус.

Помимо треста № 1 Главнефтезаводстроя завод № 228 сооружали строительство № 14 треста Центроспецстрой и монтажное управление № 3 треста Нефтемаслозаводы. Наряду с бензиновым блоком на заводе сооружались собственная ТЭЦ, водопровод, канализация. Задолго до окончания монтажных работ был укомплектован штат обслуживающего персонала установок. Так, в 1945 г. для освоения нового процесса на завод приехали выпускники ремеслен-

ных училищ из Саратова, Ярославля, Баку, Грозного. На работу в Орск направлялись выпускники Грозненского нефтяного института и Уфимского нефтяного техникума. Бензиновый блок был введен в эксплуатацию во 2-й половине 1946 г. А 1 сентября 1947 г. введена в промышленную эксплуатацию 1-я очередь завода № 228 [7].

Библиографический список

1. Иголкин, А. Д. Нефтеперерабатывающие заводы, поставленные в СССР из США по ленд-лизу / А.Д. Иголкин // Бурение & нефть. – 2007. – № 5 [Электронный ресурс] http://burneft.ru/docs/archived_docs/articles_tek/40
2. ОФ ГАОО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 3. Лл. 8 – 8 об.
3. ОФ ГАОО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 33. Л. 131.
4. Постановление ГКО № 8590с от 16.05.1945; Постановление ГКО № 9307с от 05.07.1945.
5. ОФ ГАОО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 34. Л. 13.
6. ОФ ГАОО. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 34. Л. 189.
7. ОФ ГАОО. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 39. Л. 18.

С. Л. Орлова

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск

Окказиональные обращения в переписке русской интеллигенции начала XX века

В последнее время в обществе усиливается интерес к речевому этикету, поскольку культурная выразительная речь оценивается в качестве одного из критериев интеллигентности, воспитанности. В связи с этим возрастает роль области лингвистики, рассматривающей выбор и использование языковых средств в зависимости от статусно-ролевых отношений коммуникантов, интенций адресата.

Объектом внимания в данной статье становится обращение, обязательный элемент зачина эпистолярного текста, в наибольшей степени способный отразить особенности взаимоотношений коммуникантов, проявляющихся зачастую не прямо, а в мельчайших деталях, характеризующих данную единицу.

В качестве материала исследования нами выбраны письма творческой интеллигенции «серебряного века» русской культуры – начала XX в., с целью определения нейтральных, общеупотребительных этикетных единиц и на их фоне экспрессивных средств.

Рассмотрим варианты обращений, отличные от этикетных, по возможности определяя экстралингвистические особенности данных единиц.

1. Обращения, заимствованные из других языков. Эти обращения, используя в переписке достаточно редко, придают началу текста письма шутливый характер. Именно поэтому в ряде случаев автор предваряет таким обращением письмо, содержащее укор (ниже приведен пример из письма С. С. Прокофьева) или замечание (пример из письма А. П. Чехова), смягчая неприятную для адресата информацию:

А. П. Чехов – В. В. Билибину:

«Sire! Умоляю Вас, реставрируйте Ваш ужаснейший почерк! Верьте, он даже хуже моего ...» [Чехов, 1963: 69].

Следует отметить особую изобретательность А. П. Чехова в выборе обращения, умение включить его в общий рисунок письма. Так, последнему «Sire!» соответствует столь же экзотичная подпись при прощании в этом же тексте: «Пишите, заклинаю Вас прахом Цезаря ... *Ci devant* А. Чехов» [Чехов, 1963: 71].

Иной характер носит обращение в заключении первого письма М. И. Цветаевой М. А. Волошину: «*Au revoir, Monsieur mon pere spirituel*» [Цветаева, 1988: 440], что буквально переводится: «До свидания, мой духовный отец». Начиная поэсса на самом деле воспринимала М. А. Волошина как своего духовного наставника, ее обращение, торжественное и возвышенное, совпадает со стилем всего письма, содержащего целый ряд этикетных единиц – приветствий, извинений, комплиментов, выдержанных в самом высоком стиле.

2. Обращение к адресату по фамилии:

М. И. Цветаева – Б. Л. Пастернаку:

«Мой дорогой Пастернак!» [Цветаева, 1988: 395] «... Пастернак, у меня есть к Вам просьба ...» «Милый Пастернак» [Цветаева, 1988: 480].

Фамилия, оканчивающаяся на согласную, звучит в данном случае как яркое, запоминающееся личное имя, выделяющееся на общем фоне повторяющихся личных имен. Подобное обращение воспринимается коммуникантами как достаточно интимное. Не случайно М. И. Цветаева обращается к своему адресату в инициативных письмах «Дорогой Борис Леонидович», а в письмах остальных корреспондентов такая форма обращения не встречается. «Пастернак!» в письмах М. И. Цветаевой – символ ее преклонения перед поэтом, звучанию имени которого она придает особое значение, услышав в нем отзвук его стихов.

Обращение по фамилии не встречается у М. И. Цветаевой в письмах к наиболее близким друзьям – к тем, в письмах к которым возможно «ты». Когда между М. И. Цветаевой и Б. Л. Пастернаком устанавливаются абсолютно доверительные отношения, в письмах появляется «ты» и обращение по имени «Борис». Следовательно, обращение по фамилии оценивалось как несколько более

официальное, чем обращение по имени, но более фамильярное, чем обращение по имени и отчеству.

После 1917 г. обращение по фамилии появляется в полуофициальных письмах пролетарских поэтов, выдержанных в тональности «как товарищ товарищу»:

В. В. Маяковский – Н. А. Асееву:

«Дорогой Коля Асеев!» [Маяковский, 1961: 47].

Такое обращение, с одной стороны, официально, поскольку включает фамилию и соотносится с «Вы»-формами, с другой стороны, включая уменьшительную форму имени, – фамильярно. Став нормой в письмах «пролетарских» поэтов, оно совершенно невозможно в письмах интеллигенции рубежа веков.

3. Обращения, гиперболизирующие положительное отношение автора к адресату:

Н. Я. Мясковский – С. С. Прокофьеву:

«Свет очей моих» [Мясковский, 1977: 45].

С. С. Прокофьев – Н. Я. Мясковскому:

«Счастье мое, Николай Яковлевич» [Мясковский, 1977: 36].

Н. Я. Мясковский – С. С. Прокофьеву:

«Сердцу моему любезный Сергей Сергеевич» [Мясковский, 1977: 38].

С. С. Прокофьев – Н. Я. Мясковскому:

«Бесконечно прекрасный Николай Яковлевич» [Мясковский, 1977: 38].

С. С. Прокофьев – Н. Я. Мясковскому:

«Прелесть моя!» [Мясковский, 1977: 43].

С. С. Прокофьев – Н. Я. Мясковскому:

«Купавый Николай Яковлевич» [Мясковский, 1977: 47].

С. С. Прокофьев – Н. Я. Мясковскому:

«Многообожаемый Николай Яковлевич» [Мясковский, 1977: 52].

Такое разнообразие эпитетов свойственно всей переписке С. С. Прокофьева и Н. Я. Мясковского. Подобные обращения, разные по стилю – фольклорное («Свет очей моих»), архаичное («Сердцу моему любезный»), разговорное («Прелесть моя»), украинизм («купавый»), окказиональное (по модели «многоуважаемый»/«многообожаемый») – были бы уместны в любовной переписке. В рассматриваемой ситуации выбор каждый раз нового обращения стал своеобразной игрой. Являясь знаками глубокой взаимной симпатии, шутливые обращения определяют шутливый тон всей переписки, посвященной, в основном, обсуждению серьезных профессиональных проблем.

Подобное явление встречается в эпистолярных текстах других авторов:

А. П. Чехов – Ф. О. Шехтелю:

«Талантливейший из всех архитекторов мира!» [Чехов, 1964: 226].

«Добрейший и тяжелейший на подъем Франц Осипович!» [Чехов, 1964: 168].

В последнем случае А. П. Чехов соединяет в одном обращении этикетный, но устаревающий эпитет «добрейший» и возведенный в превосходную степень фразеологизм «тяжел на подъем». В столкновении этикетной похвалы с разговорным фразеологизмом наблюдается некоторая «оксюморонность», оживляющая значение первого эпитета: «добрейший» начинает обозначать «очень добрый», а сам эпитет свидетельствует о глубокой симпатии А. П. Чехова к Ф. О. Шехтелю.

4. Использование в качестве обращения «домашних» имен корреспондентов, принятых в узком семейном или дружеском кругу:

К. С. Станиславский – А. А. Сулержицкому:

«Милый и дорогой Сулер!» [Станиславский, 1961: 300].

М. И. Цветаева – М. А. Волошину и Е. О. Волошиной (матери М. А. Волошина):

«Мои дорогие Макс и Пра!» [Цветаева, 1988: 449].

В. В. Маяковский – О. О. Игнатьеву:

«Дорогой Путик» [Маяковский, 13: 150, 157].

В. В. Маяковский – Д. Ф. Бурлюку:

«Дорогой Додичка!» [Маяковский, 13: 62].

5. Дублирование официального обращения интимным, создающее комический эффект:

С. С. Прокофьев – Н. Я. Мясковскому:

«Многоуважаемый Николай Яковлевич! (Ненаглядный Колечка!)» [Прокофьев, 1977: 37].

Необычные этикетные единицы, разрушающие стандартные формы, воспринимаются как экспрессивные и помогают создать иллюзию непосредственного общения.

Библиографический список

1. Маяковский, В. В. Полн. собр. соч. : в 13 т. / В. В. Маяковский. – М., 1961. – Т. 10. – 410 с. ; Т. 13. – 512 с.
2. Мясковский, Н. Я. Переписка / Н. Я. Мясковский, С. С. Прокофьев. – М. : Искусство, 1977. – 338.
3. Цветаева, М. И. Письма до Борис Пастернак / М. И. Цветаева. – София, 1973. – 215 с.
4. Цветаева, М. И. Сочинения : в 2 т. / М. И. Цветаева. – М. : Худ. литература, 1988. – Т. 2. – 470 с.
5. Чехов, А. П. Собр. соч. : в 12 т. / А. П. Чехов. – М. : Худ. литература, 1964. – Т. 12. – 560 с.

История развития коневодства на территории Актюбинской области

Коневодство в Казахстане является исторически сложившейся отраслью животноводства, с давних времен оно играло большую роль в жизни казахского народа. Не утратила своего значения лошадь и в настоящее время, в условиях крупного механизированного сельскохозяйственного производства. Лошадь в республике используется многогранно, не только как тяговая сила, но и как мясное, молочное, племенное и спортивное животное. А в последние годы она приобрела еще одно значение – стала донором.

Утратив свою основную роль тягловой силы, лошадь приобретает все большее значение не только как продуктивное, но и как спортивное животное, верный помощник человека в спорте и туризме. Наряду со спортом развиваются конный туризм и прокат лошадей, которым принадлежит большое будущее. Многовековой опыт казахского народа в разведении лошадей и природно-экономические условия республики способствуют развитию отрасли. Коневодство в Казахстане – исторически сложившаяся, традиционная отрасль животноводства. Лошадь играла исключительно важную роль в жизни и быту кочевников, использовавших ее как рабочее, мясное и молочное животное. Способ содержания был «чисто пастбищный», то есть животное в течение всего года довольствовалось только пастбищным кормом.

Экстенсивная технология с круглогодичным использованием пастбищ делала лошадь наиболее рентабельным животным в условиях кочевого хозяйства, когда страховых запасов кормов не было или их запасали мало. Повсеместно преобладал степной тип лошадей, хорошо приспособленных к круглогодичному пастбищному содержанию. Крупный рогатый скот в таких условиях просто не мог существовать, так как он не способен тебеневать, то есть добывать корм из-под снега. Для продуктивного коневодства, как уже сказано, наиболее выгодным является табунный способ содержания лошадей. Этот способ, во-первых, обеспечивает самую низкую себестоимость продукции, во-вторых, позволяет использовать обширные пастбищные площади, малодоступные или совсем недоступные для домашних животных других видов. В-третьих, укрепляет здоровье и конституцию лошадей и, в-четвертых, способствует быстрому размножению лошадей [2, 17-22].

Табунный способ конеразведения доминировал во всех хозяйствах Казахстана, но и он не был лишен недостатков. Прежде всего, это крайне неравно-

мерный по сезонам года уровень кормления лошадей на естественных пастбищах: богатые и сочные весенние травы, затем выгоревшие летние, несколько лучше осенние и, наконец, зимняя пастьба по снегу. В годы с суровыми зимами, когда им предшествовало знойное сухое лето и пастбища оказывались малоурожайными, погибало огромное количество животных, в том числе и лошадей. Казахи это явление называли «джутом». Как видим, коневодство дореволюционного Казахстана полностью зависело от погодных условий и состояния травостоя.

Климатические условия Актюбинской области, следует отметить, очень благоприятны для развития табунного коневодства. Здесь оно было в течение многих веков главной животноводческой отраслью в экстенсивном кочевом хозяйстве казахов. Это находило объяснение в выдающейся выносливости и неприхотливости лошадей в сравнении с другими домашними животными, а также в их многостороннем хозяйственном использовании: лошадь тогда являлась лучшим транспортным средством, источником получения продуктов питания – мяса и кумыса и самой доходной товарной продукцией.

Наибольшая численность лошадей на территории Актюбинской области (в пределах ее современных границ) – 348,4 тысячи – была зарегистрирована в 1891 году, а наименьшая – 33,2 тысячи – после Великой Отечественной войны, в 1946 году. В послевоенный период конское поголовье стало расти. К началу 8-й пятилетки численность лошадей в колхозах, совхозах и других государственных хозяйствах области достигла 56,4 тысячи. За 8-ю пятилетку в хозяйствах тех же категорий по области было получено в среднем 78 деловых жеребят на каждые 100 маток, а поголовье лошадей увеличилось до 75,9 тысячи. За такие показатели по развитию коневодства Актюбинской области в 1971 году было присуждено республиканское переходящее Красное знамя. Однако за 9-ю пятилетку конское поголовье области не увеличилось, а уменьшилось на 900 лошадей: снизился и среднегодовой деловой выход жеребят на 100 маток до 68,2 [3, 4].

Местные породы лошадей мясомолочной продуктивности представляют высокоценный селекционный материал для выведения высокопродуктивных линий, типов и пород методом внутривидовой селекции и скрещивания с другими породами в условиях круглогодичного пастбищно-тебеновочного содержания. Так, за годы независимости Республики Казахстан учеными-селекционерами отдела коневодства Актюбинской СХОС выведены: Каиндинский заводской тип казахских лошадей типа «жабе»; Эмбенский внутривидовой тип Мугалжарской породы лошадей (головка породы); Мугалжарская порода лошадей мясомолочного направления (совместно с КНИТИО). Впервые в

Кушумской породе лошадей созданы заводские линии жеребцов: Крепыша и Грома [1, 24].

Учеными отдела коневодства Актюбинской СХОС создан новый Каиндинский заводской тип лошадей казахской породы с заводскими линиями База 114-60 и Парадного 175-54 (Приказ МСХ РК № 109 от 20 июня 1995 г.). В результате многолетней селекционно-племенной работы учеными отдела коневодства Актюбинской СХОС, КазНИТИО, совместно со специалистами АО «Конезавод Мугалжар» Актюбинской области и его дочерних хозяйств, создана новая порода лошадей мясо-молочного направления продуктивности (Приказ МСХ РК № 156 от 30.12.1998 г.), полученная на основе чистопородного разведения и совершенствования казахских лошадей типа джабе в селекционных табунах племенных базовых хозяйств.

В центральных районах республики сложилось особое отродье лошади типа джабе. Происхождение слова «джабе» и его точный смысл не известны. Однако им казахи Актюбинской области называют лошадей, которые отличаются массивным телосложением и хорошо держат тело во все сезоны года. В зоотехническую же литературу слово «джабе» введено в начале 30-х годов с организацией Эмбенского конного завода, где была начата селекционно-племенная работа с этими лошадьми. Считается, что порода лошадей джабе сформировалась в южных районах Актюбинской области и отсюда распространилась по всей республике и за ее пределы.

Лошадей джабе разводят в 13 областях республики. Джабе самые крупные в казахской породе по промерам и живой массе. Лучшее поголовье джабе сосредоточено на Мугалджарском конном заводе, на племферме опытного хозяйства имени Мынбаева Казахского научно-исследовательского института овцеводства (Джамбулский район Алма-Атинского области). Лошади джабе не отличаются резвостью, но исключительно выносливы в работе. В 1948 году пара мерин в упряжке прошла за сутки 292 км. Под всадником джабе могут без отдыха преодолеть 100 км и более.

Мясная продуктивность лошадей джабе достаточно высокая. Лошади джабе известны хорошим качеством мяса – сочностью и прекрасным вкусом. Нагулянные или откормленные лошади дают тушу с высоким содержанием жира, из нее готовят деликатесные национальные изделия, пользующиеся исключительным спросом.

В настоящее время в Мугалжарском конном заводе созданы три линии джабе, которые в ближайшем будущем будут апробированы в качестве заводских – это линии Беркута, Заура и Писателя [1, 24]. Разведением и совершенствованием джабе в настоящее время занимаются 4 конных завода и 14 племенных коневодческих ферм. Улучшение лошадей джабе ведется в направле-

нии повышения живой массы, убойного выхода, молочности кобыл и пригодности их к машинному доению с обязательным условием сохранить их высокую приспособленность к табунному содержанию.

Таким образом, в статье приведены селекционные достижения по продуктивному коневодству Актюбинской области. Дана характеристика лошадям породы джабе.

Библиографический список

1. Беляев, А. И. Казахская лошадь джабе / А. И. Беляев. – Алма-Ата : «Кайнар», 1973.
2. Моторико, М. Г. и др. Коневодство Казахстана / М. Г. Моторико, И. Н. Нечаев, П. А. Федотов. – Алма-Ата : Кайнар, 1986.
3. Рекомендации по увеличению продуктивности табунного коневодства и верблюдоводства в Актюбинской области. – Актюбинск, 1976.

А. Ю. Соклаков

ВУНЦ «ОВА ВС РФ» Военный институт (общевойсковой), г. Москва

Казачество и евразийство в начале XXI столетия

На фоне курса гласности в СССР в 80-е гг. XX столетия началось возрождение казачества и ренессанс идей евразийства. Ныне вновь наблюдается интерес идеологов евразийства к истории казачества и одновременно встречное желание части казаков понять, осмыслить и принять данное учение и идеологию. Поэтому обращение к этой теме представляется автору достаточно актуальным.

Представители ряда современных евразийских и казачьих структур не ограничиваются размещением на своих сайтах опубликованных еще в 20-х гг. XX в. программных деклараций и иных работ по затронутой в настоящей статье теме [1]. Высказывается настоятельная убежденность в том, что «... идеология казачества совпадает с идеологией евразийства. И с её классической научной версией (евразийство 1920-х гг.), и с политико-экономической (ЕАЭС)» [2].

Более того, подьесаул, координатор Молодой Евразии по взаимодействию с казачеством и одновременно руководитель молодежного крыла Казачьей партии Российской Федерации А. Бредихин усматривает в истории казачества идеал сформулированной первыми евразийцами в 20-30 гг. XX в. «органической демократии» (демотии) [3]. А известный идеолог нынешнего неоевразийства А. Г. Дугин полагает, что казачество может сыграть огромную роль «в скреплении русской государственности. Если раньше казачество защищало наши границы от внешних врагов, одновременно ассимилируя местное население».

ние, то сейчас роль казачества может быть фундаментальной для профилактики межэтнических конфликтов и социальной интеграции Северного Кавказа» [4].

В последние годы сторонниками евразийства реализуются различные проекты, связанные с историей и традициями казачества. Например, стараниями директора Общественного фонда «Евразийский союз ученых», доктора философских наук А. В. Голубева, восстанавливается казачья старообрядческая церковь Рождества Христова и создается музейный комплекс в п. Коловертном (Казахстан), популяризируется наследие видных представителей уральского казачества: ученого и общественного деятеля Н. А. Бородина, писателей И. И. Железнова, Н. Ф. Савичева и др. [5] Созданный в Москве в 1998 г. Евразийский открытый институт [6] в 2011-2015 гг. имел в своем составе казачий факультет, издавал журнал «Казачье образование» и неоднократно проводил научно-практические конференции по казачьей тематике [7].

Поэтому неудивительно, что некоторые казаки активно включаются в деятельность современных организаций евразийцев. Так, среди терского казачества появились активные сторонники Евразийского союза молодежи [8], а подьесаул А. Бредихин «... официально назначен председателем Евразийского Совета МОД «Молодая Евразия» и координатором по регионам в статусе члена Евразийского Комитета МОД «Молодая Евразия»» [9]. В это же время один из идеологов и лидеров современного украинского казачества Б. И. Сушинский впервые ввел в научный оборот и попытался обосновать термин «Євразійське Козацтво» [10].

Тем не менее, даже беглое знакомство с историей и основными идеологами евразийства, а также содержанием риторики по казачьей проблематике позволяет выявить некоторые несоответствия во взглядах и целях евразийцев и казаков. Известно, что в общем виде взгляды основателей евразийства сводились к следующим постулатам:

1. Россия, отличаясь от Европы и Азии, является самобытной страной континентом с преобладанием в ней более органичного «азиатского» («туранского») начала.

2. Европа, включая западное славянство, является опасным для российской культуры фактором.

3. Не свойственные России идеи представительной демократии и социализма были искусственно занесены с европейского Запада.

4. Либерализм и слабая власть являются чуждыми и непривычными для народов Евразии.

5. Христианство является не «элементом» определенной культуры, а привносимым в самые разнообразные религиозно-культурные общности «ферментом».

б. Национальным субстратом Отечества может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство (многонародная евразийская нация), территория которого именуется Евразией, а ее национализм – евразийством [11].

Вместе с тем в среде евразийцев уже в 20-е гг. XX в. наблюдалась определенная непоследовательность в отношении казаков. С одной стороны наблюдалось отчетливое стремление придать казачеству статус отдельного народа [12], с другой же подчеркивались его единство с русскими и бездоказательность попыток их разделить и противопоставить друг другу [13]. Стоит напомнить, что неоднократные попытки представить казаков отдельным имеющим не славянское (хазарское, остготское и иное) происхождение народом были направлены отнюдь не на укрепление восточно-славянского единства и российской государственности. В этой связи достаточно обратиться к самоназванию украинцев и историческому исследованию Н. И. Ульянова [14], вспомнить «хазарский миф» мазепинцев [15], расовую теорию Третьего Рейха и казаков-коллорабационистов [16], а также закон США о поработенных народах [17].

Тем не менее, полярность мнений по этому вопросу среди евразийцев сохраняется и в настоящее время. В частности прошедший 04.11.2013 в Москве в Центре стратегических исследований (здание экономического факультета МГУ) семинар (круглый стол) евразийцев-народников и представителей казачества получил название «Права Казачьего Народа» [18]. На нем, позиционирующий себя в качестве омбудсмана (правозащитника по правам народов), директор Центра Льва Гумилёва П. Зарифуллин упрекнув национальную политику России в близорукости и забалтывании «казацкого вопроса» в частности заявил следующее: «Если люди утверждают, что они народ – то никто не может запретить им так себя считать и себя именовать ...» [18].

Однако аргументация в пользу провозглашения очередного отдельного казачьего народа и ее позиционирование пока еще явно хромает и отдает гротеском. В частности, вызывают удивление следующие строки об упомянутом в предыдущем абзаце семинаре: «Представитель Донского казачества Олег Николаев в качестве аргументов подготовил ряд документов Российской империи, где казаки считались и писались отдельным народом, отличавшим себя от великороссов и украинцев. Казаки – это народ схожий с русскими языком, православной верой, но сильно различающийся культурой, обычаями и нравами. Особенно интересным открытием оказалась выдержка из работ ученого Харузина «Сведения о казацких обычаях на Дону», в котором рассматривались взаимоотношения казаков и инородцев. Инородцами казаки называли людей иного рода, иной культуры. Так, народы, населяющие Северный Кавказ, не считались инородцами, в отличие от великороссов и малороссов» [18]. Непродуманным

представляется и стремление координатора ОД «Молодая Евразия» по взаимодействию с казачеством, члена Евразийского клуба в Крыму А. Бредихина противостоять фальсификации российской истории в еще недавно украинском Крыму и поддержать местное казачество, опираясь на конструкции бывшей польско-литовской государственности [19]. Его же попытку свести «сравнительный анализ между общими традициями Дона и Новгорода» исключительно к выявлению языческого наследия и вынужденных уклонений от православных традиций и обычаев также нельзя считать убедительной [20].

Таким образом, можно констатировать, что изучение взаимного влияния представителей современного евразийства и казачества, а также их сотрудничества в начале XXI в. заслуживает более детального рассмотрения.

Библиографический список

1. Например: Богданов Е. (Федотов Г.) Три столицы // Версты, № 1. Париж, 1926 URL: <http://eurasian-movement.ru/archives/14777> (дата обращения 05.05.2016) ; Евразийство : (формулировка 1927 г.) // URL : <http://eurasian-movement.ru/archives/1332> (дата обращения 05.05.2016); Долинский О. Евразийство. // Вольное казачество №32, 1929, цитируется по : URL : <https://dikoepole.com/2011/10/07/dolinskii-evraziistvo/> (дата обращения 05.05.2016) ; Бейсуг В. Об отношении к евразийству // Вольное казачество № 43-44, 1929, цитируется по : URL: <https://dikoepole.com/2011/10/10/evraziistvo-beisug/> (дата обращения 05.05.2016).

2. Скворцов, В. Казаки и евразийство / В. Скворцов // Камертон. Сетевой литературный журнал. – № 75, январь 2016, см. : URL : <http://webkamerton.ru/2016/01/kazaki-evraziistvo/> (дата обращения 05.05.2016).

3. Казак Антон Бредихин назначен председателем Евразийского Совета // URL: <http://eurasian-movement.ru/archives/14158> (дата обращения 05.05.2016); Бредихин А. Традиции демотии в донском казачестве // URL: <http://eurasian-movement.ru/archives/4923> (дата обращение 05.05.2016); Казачий поход в дипломатии // URL: <http://kaprf.ru/novosti.html?start=205> (дата обращения 12.03.2016).

4. Дугин, А. Г. Логос и мифос. Социология глубин / А. Г. Дугин. – М. 2010. // URL: <http://scibook.net/pervoistochniki-sotsiologii-kniga/kazaki-logos-21701.html> (дата обращения 12.03.2016).

5. Например : Сборник научных докладов. Николай Андреевич Бородин (1861-1937 годы) – великий ученый и общественный деятель России, Казахстана и США. Уральск. 2011; Бородин, Н. А. Описание культурной, экономической, политической, социальной жизни американского общества и Америки / под ред. А. В. Голубева, Н. И. Осипова. Уральск, 2011; Савичев, Н. Ф. Уральская старина. Рассказы из виденного и слышанного. – Уральск, 2006 ; Предприниматель Андрей Голубев из Уральска создает музейный комплекс, восстанавливая полуразрушенные церкви // URL: <http://rus.azattyq.org/a/1376831.html> (дата обращения 05.05.2016).

6. URL: <http://www.eoi.ru/> (дата обращения 05.05.2016).

7. См. : Казачье образование № 1, 2013; Воспитание молодежи в традициях и культуре российского казачества : мат. межд. научно-практической конференции. – М. : ЕОИ, 2012; Казачий факультет Евразийского института налаживает сотрудничество в сфере образования с казаками Тавриды // URL: http://kazakcenter.ru/publ/novosti_kazak_inform/na_zametku_kazakam/kazachij_fakultet_evrazijskogo_instituta_nalazhivaet_sotrudnichestvo_v_sfere_obrazovaniya_s_kazakami_tavridy/155-1-0-500 (дата обращения 05.05.2016).

8. Например : URL: <http://med.org.ru/article/2513> (дата обращения 05.05.2016).
9. URL: <http://eurasian-movement.ru/archives/14158> (дата обращения 05.05.2016).
10. Сушинський Б. І. Всесвітня козацька енциклопедія. – Одеса, 2007. – С. 536.
11. См. подробнее: Мамонтов, С. П. Основы культурологии : учеб. пособие / С. П. Мамонтов ; Ун-т Рос. акад. образования. – 2-е изд., доп. – М., 1996. – С. 77-92 ; URL: <http://www.countries.ru/library/russian/evraz.htm> (дата обращения 05.05.2016); Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм // URL: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns14.htm> (дата обращения 05.05.2016).
12. Например : Евразийство: (формулировка 1927 г.). // URL: <http://eurasian-movement.ru/archives/1332> (дата обращения 05.05.2016).
13. Посадский, А. Русские идеалы казачества // URL: <http://eurasian-movement.ru/archives/11297> (дата обращения 05.05.2016).
14. Народы России. Энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1994. – С. 357; Ульянов, Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. – Нью-Йорк-Мадрид, 1966.
15. Таирова-Яковлева, Т. Г. «Отечество» в представлениях украинской казацкой старшины конца XVII – начала XVIII веков // URL: http://www.krotov.info/libr_min/28_ya/ko/vleva_t2.htm (дата обращения 05.05.2016).
16. Крикунов, П. К. Казаки. Между Гитлером и Сталиным // URL: <http://m.fstanitsa.ru/?q=category/menuyu/istoriya/novoe-vremya/krikunov-pk-kazaki-mezhdu-gitlerom-i-stalinym> (дата обращения 05.05.2016).
17. Public Law 86-90 Captive Nations Week Resolution.
18. Сеитов, Э. «Права Казачьего Народа»: семинар евразийцев-народников в МГУ. // URL: <http://www.gumilev-center.ru/prava-kazachego-naroda-seminar-evrazijcev-narodnikov-v-mgu/> (дата обращения 05.05.2016).
19. Молодая Евразия развивает евразийство и казачество в Крыму // URL: <http://eurasian-movement.ru/archives/10077> (дата обращения 05.05.2016).
20. Бредихин А. Традиции демотии в донском казачестве // URL: <http://eurasian-movement.ru/archives/4923> (дата обращения 05.05.2016).

М. И. Терехина

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск

Роль международных организаций в системе международных отношений

Развитие мировых хозяйственных связей, средств массовой информации, научно-техническая революция, взаимовлияние культур приводят к необходимости более продуманной и координированной интеграции, которая учитывала бы интересы всех социальных, этнических, религиозных, культурных групп. В свете всего этого важную роль играют не просто отношения между государствами а, более широкие по спектру полномочий, международные организации.

Под международными межправительственными организациями понимается субъект международного права, созданный в соответствии со специальным международным договором (уставом), обладающий международной правосубъ-

ектностью и четко определенной организационной структурой, действующий в соответствии с нормами международного права [1].

Цель создания любой международной организации заключается в объединении усилий государств в различных областях: политической (ОБСЕ), военной (НАТО), экономической (ЕС), валютно-финансовой (МВФ) и в других. Так, например, такая организация, как ООН должна координировать деятельность государств почти во всех областях. В таком случае международная организация выступает посредником между государствами-членами. Иногда государства передают наиболее сложные вопросы международных отношений в организации для обсуждения и решения.

Любая международная организация должна обладать, по крайней мере, шестью признаками.

Во-первых, организация создаётся в соответствии с международным правом. Это наиболее существенный признак, имеющий решающее значение. Любая правительственная организация должна быть создана на правомерной основе, а именно, она не должна ущемлять интересы отдельного государства и международного сообщества в целом.

Кроме того, любая международная организация создается на основе международного договора (конвенции, соглашения, трактата, протокола и т. д.). Сторонами такого договора являются суверенные государства, а в последнее время также межправительственные организации. Например, Европейский Союз является членом многих международных рыболовных организаций.

Очень важно для каждой международной организации иметь соответствующую организационную структуру. Этот признак как бы подтверждает постоянный характер организации и отличает её от других форм международного сотрудничества.

Межправительственные организации имеют штаб-квартиры, членов в лице суверенных государств и вспомогательные органы.

Следующим важным признаком международной организации является наличие у неё прав и обязанностей, которые в общей форме закреплены в её учредительном акте. Международная организация не может превысить свои полномочия.

Международная организация также имеет самостоятельные международные права и обязанности, то есть обладает автономной волей, отличной от воли государств-членов. Этот признак означает, что любая организация в своей сфере деятельности может избирать самостоятельно средства выполнения прав и обязанностей, возложенных на неё государствами-членами. Таким образом, международная организация, обладающая вышеизложенными признаками, считается международной межправительственной организацией [2].

Однако организации не имеют своей собственной суверенной воли. Они всего лишь обладают конкретной компетенцией. Назначение организации состоит именно в том, чтобы наиболее полно и точно реализовать волю субъектов международного права, которые учредили таковую, а не проводить в своей деятельности какую-то свою собственную автономную волю, которой они не обладают, да и не могут обладать.

Вопрос о международной правосубъектности международных организаций актуализируется в связи с постоянным ростом их количества и усилением их роли в решении международных проблем. Практически международные организации становятся универсальными структурами, в рамках которых государства в коллективном порядке решают наиболее важные вопросы международной жизни.

Правосубъектность международных организаций проявляется в следующем:

– они и их должные лица обладают привилегиями и иммунитетами международных организаций; но, так как организации не обладают суверенитетом, привилегии и иммунитет у них носят не дипломатический, а функциональный характер;

– при некоторых из них учреждаются постоянные представительства или имеются постоянные представители государств-членов либо постоянные миссии наблюдателей государств-нечленов. Институт представительства государств при организациях и организаций при правительствах отдельных государств имеет большую специфику. Он по своему содержанию коренным образом отличается от дипломатических представительств государств.

Назначение дипломатических представительств – поддерживать постоянные контакты между субъектами международного права. Совершенно недопустимо, чтобы представитель одного государства занимался вопросами, которые входят во внутренние дела другого государства. Представительства государств при международных организациях имеют другое назначение. Они существуют как раз для того, чтобы заниматься делами организации, вместе с другими представительствами направлять ее деятельность. Представители государств при организации находятся там для того, чтобы организация в своей деятельности успешно и точно проводила волю ее учредителей [3].

Правомочия государства вытекают и основываются на суверенитете, чего нельзя сказать о правомочиях международных организаций, так как правомочия последних являются делегированными.

Делегированный и функциональный характер прав и обязанностей международных организаций указывает на то, что их деятельность немыслима без государств или в отрыве от них. Именно из этого вытекает необходимость

представительства государств при организациях, а отнюдь не из того, что организации и государства противостоят друг другу как самостоятельные субъекты международного права.

Во-первых, они обладают правом на заключение международных договоров (то есть договорной правоспособностью). Специфика договоров и соглашений международных организаций состоит в том, что их юридической основой является учредительный акт организации, в силу чего они по своему характеру являются исполнительными актами, направленными на реализацию целей и принципов организации, зафиксированных в ее уставе. В силу этого они развивают и конкретизируют обязательства государств, зафиксированные в уставе. Договоры международных организаций имеют также особое волевое содержание. Если та и другая стороны в соглашении являются организациями, то в таком соглашении отсутствует выражение суверенной воли, так как организации таковой не обладают. Они всего лишь действуют в рамках компетенции, которая определена государствами-членами. Если же в договоре одной стороной является организация, а другой – государство, то суверенная воля выражается только государством, а организация реализует свое правомочие, делегированное ей членами организации.

Во-вторых, организации также могут быть субъектами международно-правовой ответственности (не всех ее форм – в частности, политической) [3].

Заслуживает особого внимания вопрос о праве организаций давать государствам обязательные предписания и применять принудительные меры. Это доказательство не только не свидетельствует о том, что, например, ООН – субъект международного права, аналогичный государству, но как раз указывает на обратное.

Отношения государств как наиболее типичных субъектов международного права характеризуются полной независимостью, которая исключает какую-либо возможность давать обязательные предписания одним государством другому. Обязательные предписания государствам и применение силы следует рассматривать лишь как реализацию воли государств, выраженной в уставе. Государства-члены имеют долг подчиняться организации в рамках устава, поскольку на них лежит такая обязанность, принятая добровольно и имеющая в своей основе их суверенную волю.

Таким образом, все без исключения права и обязанности организаций, все их действия в рамках устава имеют правовое значение не сами по себе, не потому, что вытекают из какой-то автономной воли организаций, а лишь постольку, поскольку в их основе лежит действительная и реальная воля государств, пожелавших, чтобы организация действовала от их имени соответствующим образом.

Библиографический список

1. Батычко, В. Т. Международное право. Конспект лекций / В. Т. Батычко. – Таганрог : ТТИ ЮФУ, 2011. – 97 с.
2. Международное право : учеб. для вузов / отв. ред.: Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2010. – 784 с. – ISBN 978-5-468-00281-0. – ISBN 978-5-16-004137-7.
3. Международное право : учеб. для вузов / под ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2004. – 624 с. – ISBN 5-89123-778-4.

Г. П. Трофимова

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск

«Общественный институт» как категория социального анализа

Понятие «общественный институт» является одним из основных в социально-гуманитарном знании, поскольку позволяет понять специфику и сущность структуры социального пространства, интегрирует множество разнообразных человеческих действий, составляющих социальные отношения. Само слово «институт», как известно, в переводе с латинского языка означает «утверждение, установление». Оно было заимствовано в юриспруденции, где использовалось чаще всего для характеристики определенной совокупности юридических норм. В социогуманитарном знании понятие разворачивается в более широком значении, но при этом трактуется достаточно неоднозначно. В социально-философском знании оно имеет довольно глубокие основания, уходящие корнями в античность. Огромный вклад в обоснование проблемы внесли Платон, Аристотель, а также мыслители эпохи Нового времени.

Одним из первых социологов, занявшихся исследованием социальных институтов, был Г. Спенсер. Понятие «социальный институт» стало одним из главных пунктов концептуальной системы английского мыслителя. Социальные институты, согласно Спенсеру, представляют собой механизмы самоорганизации совместной жизни людей. Главной функцией социальных институтов является удовлетворение человеческих потребностей. Помимо этого, социальные институты обладают системообразующим качеством – они скрепляют социальные действия индивидов, упорядочивая общественные отношения, обеспечивая тем самым единство и дальнейшее развитие социальной системы.

В современном социогуманитарном знании особого внимания заслуживает социокультурный подход, наиболее ярким представителем которого является А. С. Ахиезер. Данный подход представляется особо ценным применительно к анализу процессов трансформации общественных институтов в российском со-

циуме. Для понимания причин и последствий социальных изменений необходимо учитывать особое конфликтное состояние российской цивилизации, которое А. С. Ахиезер характеризует как раскол, что обусловлено промежуточным положением России между традиционной и либеральной цивилизациями. Взаимодействия индивидов, как «первичные клетки» социальной системы, в российском обществе основываются на так называемом «инверсионном мышлении», которому свойственна поляризация, столкновение крайних мировоззрений, нетерпимость носителей противоположных точек зрения. Медиативное же мышление, свойственное либеральной цивилизации, стремится преодолеть эти крайности путем их взаимопроникновения. А. С. Ахиезер выделяет соборный и авторитарный идеалы общественного устройства, циклическая смена которых в истории России составляет содержание социокультурной динамики страны, детерминируя кризисное состояние российского социума и предопределяя его инверсионное развитие. По мнению А. С. Ахиезера: «Уникальность России прежде всего в глубоко укоренившемся расколе, в разительном несоответствии господства инверсионного мышления (через которое прошли, видимо, все народы) и сложности проблем большого общества, уже давно требующих для своего разрешения иной логики» [1, 62]. В России, адаптировавшейся к такому расколотовому состоянию, общественные институты находятся в перманентно патологическом состоянии. А. С. Ахиезер приводит разнообразные примеры негативных явлений, объясняемых принятием государством неграмотных управленческих решений в сфере экономики: монополия государства на дефицит, бюрократическое планирование в ущерб рынку, адаптация работников к неэффективному производству и ряд других. Кризис общества и государства, обусловленный расколом общественного сознания, должен быть разрешен, прежде всего, в культурном пространстве, в человеческом мышлении. А. С. Ахиезер видит выход из такого кризисного состояния в переходе от промежуточной к либеральной цивилизации.

В целом анализ литературы обнаруживает довольно обширную и богатую историю вопроса о происхождении и сущности общественных институтов. Большое количество трактовок все же позволяет увидеть две основные тенденции в основе понимания социальных институтов. В первом случае акцентируются важнейшие сущностные свойства института, в частности, совокупность объективно существующих норм и принципов, регулирующих определенные сферы общественной деятельности. Эта линия восходит к Э. Дюркгейму и в отечественной науке представлена в работах И. Коржевской, С. Гребенникова, А. Шаститко и др. Другая тенденция прослеживается в работах, обосновывающих комплексный подход, в рамках которого социальные институты представляются с точки зрения их многосторонней сущности и как совокупность норма-

тивно-статусных форм, и как совокупность механизмов, обеспечивающих их действие. При этом механизмы могут иметь как формализованный характер, так и неформальный, опирающийся на социокультурные ценности, обычаи, традиции. В широком смысле социальные институты представляются как исторически обусловленные формы организации и регулирования общественной жизни, опредмечивающие определенные виды общественных отношений. Институционализированные образования включают ролевые системы норм и статусов, совокупность обычаев и традиций, совокупность учреждений, контролирующих определенную сферу общественной жизнедеятельности, комплекс социальных действий. Внутреннее устройство института, регулирующего конкретную сферу общественной жизни, включает четыре взаимосвязанных элемента. Первый – это система формальных административно-правовых норм и правил, устанавливаемых и регламентируемых государственными органами. Второй – неформальные правила, нормы и образцы поведения, укорененные в культуре общества. Третий его элемент – механизм административно-правового контроля выполнения формальных установок и норм. Четвертый – общественный контроль выполнения формальных и неформальных правил игры. Следует указать на широкое многообразие социальных институтов и дифференциацию их по своей значимости для общества, полноте и системности нормативного комплекса, эффективности социокультурных правил и механизмов контроля. Полноценную жизнедеятельность общества обеспечивает вся совокупность его институтов, демонстрирующих тенденцию к взаимопроникновению и даже иногда к сращиванию. Однако, разворачивая институциональную проекцию общества, необходимо разделить элементы институциональной системы на ядерные и периферические. Элементы ядра обладают довольно высокой устойчивостью и воспроизводятся длительно, сохраняя институциональную матрицу. К этим элементам относится – власть, обеспечивающая эффективное и сбалансированное функционирование общественной системы. Значение элемента ядра имеет и собственность, позволяющая системе своевременно адаптироваться к вызовам внешней среды. Поддержание инновационно-интеллектуального потенциала обеспечивается институтами науки и образования, а также институтами гражданских прав и свобод. Культурная интеграция общества, формирование и сохранение ценностей и общезначимых образцов поведения является функцией институтов семьи и образования.

Следует отметить, что представленные подходы могут быть продуктивны для рассмотрения общества с устоявшейся институциональной системой и четко просматриваемыми целями деятельности, а также разработанной стратегией достижения этих целей. В современном российском обществе все более широко разворачиваются процессы трансформации, которую можно условно

определить как спонтанную трансформацию, отличающуюся невозможностью однозначно предрешить как четкую ведущую линию развития, так и конечные результаты. Поэтому нам представляется необходимым в традиционном определении социальных институтов сделать больший акцент на их динамической природе и сущности, представляя социальный институт как выражение многомерности, структурного многообразия, синхронной неоднородности социальной системы. Социальный институт, по нашему мнению, есть исторически обусловленная форма организации, регулирующая определенные виды социальных отношений, органичный комплекс, находящийся в состоянии динамического равновесия и открытый для взаимодействия с внешней средой.

Библиографический список

1. Ахиезер, А. С. Социокультурная динамика России. К методологии исследования / А. С. Ахиезер // Полис. – 1991. – № 5.

И. Н. Тюряхин

филиал РГСУ, Краснодарский край, г. Анапа

Из истории культурных контактов Древней Греции и государства Селевкидов

Как известно, эпоха эллинизма характеризовалась распространением греческой культуры на Ближний Восток и синтезом элементов древнегреческой и древневосточной цивилизаций. В одних эллинистических государствах этот синтез проявился в меньшей степени, как например, в Балканской Греции, в других был глубоким и охватывал области экономики, политических учреждений, культуры и религии. К числу таких государств, которые ещё называют регионами классического эллинизма, следует отнести и государство Селевкидов.

Располагавшееся в Азии, оно занимало большую часть бывшей Персидской державы и в эпоху своего расцвета было самым крупным эллинистическим государством. Цари династии Селевкидов были македонского происхождения и проводили политику эллинизации страны. Одним из таких правителей был Антиох IV Эпифан (175-164 гг. до н. э.). Еще до того, как стать царем, он три года прожил в Афинах и являлся большим поклонником греческой культуры. В период своего правления он регулярно одаривал полисы и греческие храмы, находившиеся на территории Селевкидской державы, устраивал пышные религиозные празднества, основывал новые полисы, поощрял строительство гимнасиев и театров.

Но Антиох не ограничивался своим царством и проявлял заботу о городах, находящихся даже в далекой Балканской Греции. Тит Ливий сообщает, что мегалопольцам царь дал деньги на восстановление большей части городских стен (Liv. XLI. 20. 6). Х. Лаутер и Х. Лаутер-Буф считают, что это было сделано в ответ на просьбу самих мегалопольцев [1], поскольку стены города, разрушенные спартанским царем Клеоменом в 223 г. до н.э., по-видимому, восстанавливались в спешке и к 174 году до н.э. уже обветшали и нуждались в значительном ремонте.

Афинам царь сделал не менее щедрый подарок – приказал своему архитектору Дециму Коссицию достроить храм Зевса Олимпийского, возведение которого начиналось ещё при тиране VI века до н. э. Писистрате. Правда, строительные работы не были завершены из-за смерти царя (Liv. XLI. 20. 8), и храм был окончательно достроен уже при другом филэллине – римском императоре Адриане. Остатки этого храма сохранились в Афинах до наших дней. Жителям Тегеи царь обещал возвести мраморный театр (Liv. XLI. 20. 6). Кроме того, он оказал помощь жителям Кизика, Родоса, Делоса и обещал ее некоторым другим полисам, но не успел все завершить из-за краткости своего царствования (Liv. XLI. 20. 7-9).

Этот эпизод показывает, что в длительной истории взаимоотношений государства Селевкидов и полисов Балканской Греции были периоды, в которые между двумя регионами осуществлялись активные культурные контакты, способствовавшие не только взаимному обогащению греческой и восточной культуры и религии, но и поддержанию единого культурного пространства эллинистического мира.

Библиографический список

1. Lauter-Bufe H. Die Politischen Bauten von Megalopolis. / H. Lauter-Bufe, H. Lauter. – Darmstadt–Mainz, 2011. – S. 157.

М. И. Фатыхов, В. К. Шепелькова

Новотроицкий филиал НИТУ «МИСиС», г. Новотроицк

Уголовное право в годы Великой Отечественной войны: основные тенденции развития

22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно, без объявления войны, напала на Советский Союз. В связи с этим потребовался перевод всех особенностей социальной жизни Советского государства на новый лад, ведение как внешней, так и внутренней политики, отвечающей условиям военного времени.

Изменения общественных отношений преследовали главную цель – добиться скорейшей победы над врагом. На достижение этой цели было направлено и советское законодательство, в том числе и уголовное, которое в годы Великой Отечественной войны имело свои особенности. Так, широкое распространение получило применение уголовного закона по аналогии. Это было вызвано тем обстоятельством, что в годы войны возникла необходимость увеличения составов преступлений, борьба с которыми имела важное значение для решения основной задачи – разгрома врага. А поскольку в основном продолжали действовать довоенные нормы уголовного законодательства, то применялась аналогия закона. Регулирование вопросов применения уголовного закона по аналогии осуществлялось с помощью постановлений Пленума Верховного Суда СССР, которые имели общеобязательное значение на всей территории страны. К примеру, в условиях Отечественной войны важнейшее значение приобрело бережное и рациональное использование продовольственных ресурсов. В связи с этим Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении «О судебной практике по делам о самогоноварении» отметил, что всякое разбазаривание и преступное использование продовольственных ресурсов «требует суровых мер наказания. Одним из видов преступного использования предметов продовольствия является самогоноварение, особенно недопустимое в условиях военного времени». Пленум предложил скупку продовольственного сырья с целью выработки самогона и последующего его сбыта, скупку с этой же целью самогона и сбыт его при указанных условиях рассматривать как спекуляцию и карать по статье 107 УК РСФСР.

Относительно краж с использованием условий военного времени Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении «О квалификации некоторых видов кражи личного имущества граждан в условиях военного времени» указал, что такого рода кражи должны квалифицироваться как кражи, совершенные во время общественного бедствия, – по пункту «г» статьи 162 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик.

Среди статей, предназначенных исключительно для военного времени, наиболее часто по аналогии применялась статья 59.6 УК РСФСР «Уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или от выполнения повинностей». Данная статья применялась по аналогии в случаях, когда имело место такое невыполнение повинностей, которое специально не было предусмотрено особым законодательным актом, постановлением Верховного Суда СССР или разъяснением Наркомюста СССР.

Изменения в уголовном законодательстве были связаны и с усилением санкций за наиболее опасные в военной обстановке преступления. Так, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на

восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» самовольный уход с работы карался тюремным заключением от двух до четырех месяцев тюремного заключения. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» объявил такой уход трудовым дезертирством, караемым тюремным заключением от пяти до восьми лет.

Невыполнение колхозниками обязательного минимума трудодней, признанное в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. № 508 «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» преступлением, до издания этого Постановления рассматривалось как дисциплинарный проступок.

Ряд действий впервые были признаны преступными и наказуемыми. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. было признано преступным распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения.

Во время Великой Отечественной войны привлек к себе внимание вопрос о возмездии как цели наказания. Довоенное законодательство, в частности нормы, предусматривавшие ответственность за измену Родине, Закон СССР от 16 августа 1938 г. «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик», применительно к термину «наказание» употребляло слово «карается», но ничего не говорилось о возмездии. Однако неслыханные злодеяния немецких фашистов, чинившиеся над населением Советского государства, вызвали ненависть и желание воздать им должное за все содеянное. Руководство страны в своих выступлениях не раз обращало внимание на то, что гитлеровское правительство и его пособники не уйдут от суровой ответственности и от заслуженного наказания за совершенные ими злодеяния. Еще во время войны советское законодательство установило порядок суда над фашистскими преступниками и их наказания: смертная казнь через повешение и ссылка в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет.

Применительно к составам преступлений следует отметить, что в годы Великой Отечественной войны наиболее значительные изменения произошли в разделах о контрреволюционных преступлениях, преступлениях против порядка управления, хозяйственных преступлениях и др.

Эвакуация, размещение и перестройка деятельности культурно-просветительских, научных и образовательных учреждений на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Условия войны значительно повлияли на деятельность культуры и образования. Перед ними была поставлена задача поднимать духовные силы народа, главным средством укрепления которых являлась идейно-политическая и культурно-воспитательная работа. Но прежде, чем приступить к реализации этой задачи, необходимо было осуществить эвакуацию большого количества культурных и образовательных учреждений, кадров интеллигенции с оккупированных территорий на восток страны – на Урал, в Сибирь, в Казахстан. Таким образом, Южный Урал оказался одним из центров развития культуры и образования. На примере данного региона можно увидеть и оценить тот вклад в дело победы над врагом, который внесли творческие коллективы театров, литературных и художественных объединений, музыкальных школ и библиотек, а также учительские кадры.

Вопросами эвакуации занимался созданный 24 июня 1941 г. Совет по эвакуации при СНК СССР во главе с Н. М. Шверником. За короткий срок на Южный Урал было эвакуировано большое количество высших учебных заведений, техникумов, школ. Например, в Челябинск прибыл Сталинградский механический институт, в Магнитогорск – Днепропетровский металлургический институт, кадры которого были зачислены в штат МГМИ. В Кыштыме Челябинской области размещался Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена, с которым были объединены другие ленинградские вузы.

Благодаря эвакуации выросло количество высших учебных заведений, техникумов и в Оренбургской области (в период войны – Чкаловская область). В 1940 году их было 4, к концу войны стало 6. Количество студентов увеличилось с 1546 до 2710. Стало 32 техникума, а число студентов возросло с 6278 в 1940 году до 8585 в 1944 г. На базе Харьковского медицинского института был открыт в Чкалове (ныне Оренбург) 12 августа 1944 года медицинский институт.

В города и села Челябинской области эвакуировались научные учреждения: Всесоюзный исследовательский институт минерального сырья разместился в Катайске, НИИ молочной промышленности из Ленинграда – в Кургане, Московский Всесоюзный институт удобрения агротехнических почв – в Шадринске, Всесоюзный государственный институт огнеупорной промышленности – в г. Сатка, Ветеринарный институт – в Троицке, Ленинградский НИИ 24 – в Челябинске, Ленинградский химико-технологический институт молочной про-

мышленности – в селе Чаша, с октября 1945 г. до конца 1942 г. в Троицке находилось Управление Всесоюзного государственного треста по проектированию и изысканию тепловых электростанций, сетей и подстанций «Теплоэлектпроект», в состав которого входило пять отделений, в Златоуст из Харькова в 1942 г. прибыл экспериментально-конструкторский институт химического машиностроения «Экихиммаш», в Магнитогорск – Московское отделение проектно-изыскательской конторы «Мостранспроект». В Челябинск в октябре 1941 г. перебазировались Центральное управление государственного проектного института анилино-красочной промышленности «Типроанилкраска» и его Ленинградское отделение. Одна из бригад этого института проводила работу до 1943 г. в Уфе.

В г. Орск Чкаловской области в конце 1941 г. был эвакуирован Центральный научно-исследовательский институт промышленных сооружений (ЦНИПС). После его реэвакуации работу здесь продолжал Орский филиал ЦНИПС. В г. Чкалове (Оренбурге) с 1941 по 1943 гг. размещалась Всесоюзная государственная техническая контора «Станкинпром», в 1943 г. было решено перевести сюда Харьковское отделение Государственного института по проектированию заводов тяжелого машиностроения «Гипротяжмаш».

В августе-сентябре 1941 г. Наркоматом черной металлургии СССР в Челябинск были направлены по эвакуации с южных заводов страны («Азовсталь», «Запорожье») группы проектировщиков. На базе этих эвакуированных кадров сначала была создана Челябинская бригада Государственного института по проектированию металлургических заводов «Гипромез», а с 3 декабря 1941 г. – Челябинский государственный институт по проектированию металлургических заводов «Челябгипромез».

В результате к концу 1942 г. на Южном Урале было сконцентрировано свыше 40 ведомственных НИИ и проектно-конструкторских организаций, которые должны были обеспечить местные и эвакуированные предприятия важнейших отраслей производства квалифицированной научно-технической помощью.

На Южный Урал было эвакуировано много детей, поэтому требовалось расширение сети школ, особенно начальных. Между тем в некоторых школьных зданиях располагались госпитали и другие учреждения военного ведомства. Не хватало учителей, учебных и наглядных пособий, школьных принадлежностей, топлива, освещения. Эти трудности преодолевались партийными, советскими органами и общественными организациями с помощью родителей школьников и самих учеников. В результате, несмотря на колебания контингента учащихся, все же удалось увеличить количество начальных и средних школ.

Общеобразовательной средней школе местные партийные и государственные органы уделяли особое внимание. В годы войны не только недопустимы были снижение качества преподавания, ослабление воспитательной работы в школе под предлогом того, что «идет война и сейчас не до детей», но и требовалось повысить общеобразовательную подготовку учащихся и воспитательную работу. Вопросы о школьных делах, о насущных нуждах школ региона, о задачах обучения и воспитания молодежи в трудные военные годы неоднократно ставились на пленумах областных комитетов партии. В выступлениях ответственных партийных работников отмечались серьезные недостатки воспитательной работы среди учащейся молодежи. Местным партийным организациям указывалось на необходимость заботиться об улучшении общеобразовательной и воспитательной работы в школах.

Учреждения народного образования в новых условиях перестраивали свою работу, выполняя решения партии и правительства. Важное значение в этой перестройке имели постановление ЦК ВКП (б) от 7 сентября 1941 г. о военно-физической подготовке учащихся старших классов средней школы и постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 17 сентября 1941 г. об обучении сельскохозяйственным работам учащихся старших классов средних школ, техникумов и высших учебных заведений.

В годы войны в школах Южного Урала, как и в целом в стране, произошли крупные изменения: была введена пятибалльная оценка знаний учащихся и их поведения, прекращено формальное и ничего не дающее соревнование по учебной работе, введены правила поведения для учащихся. 21 июня 1944 года СНК СССР принял постановление «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе».

Помощь народному образованию Оренбургской области оказали учителя, прибывшие по эвакуации. За два года войны они пополнили отряд учительства области на 3253 человека. Однако в конце 1943 – начале 1944 гг. уже ощущался недостаток учителей, так как 2653 учителя возвратились в освобожденные от немецких захватчиков районы. К концу войны в школах области работало 11 тыс. 239 учителей. Из них почти половина не имела специального педагогического образования. Для решения этой проблемы открывались курсы по повышению квалификации, на которых только в 1941-1942 гг. было подготовлено 320 учителей (для 10-х классов) и 380 учителей (для 5-7-х классов). Велась подготовка специалистов в Оренбургском педагогическом институте им. В. П. Чкалова.

На Южный Урал в первые дни и недели войны эвакуировались многие деятели литературы и искусства. В г. Чкалов был эвакуирован Ленинградский

Малый оперный театр, Украинский драматический театр им. Щепкина приехал в г. Бугуруслан, Рязанский драматический – в г. Бузулук.

В связи с чрезвычайными условиями войны были внесены организационные коррективы разного рода. 10 июля 1941 года Оренбургский облисполком принимает решение о перестройке работы театров в военное время. В целях повышения агитационно-пропагандистской роли театров, обеспечения нормальных условий их деятельности, наибольшей эффективности работы, в целях современной замены кадров, выбывающих в РККА, без ухудшения качества состава театров и спектаклей, исполнительный комитет решил:

1. Обязать отдел искусств немедленно пересмотреть репертуар всех театров до конца 1941 г., исключив из него пьесы, не имевшие актуального значения, заменив их пьесами на патриотическую и оборонную темы, включив также пьесы специально на антифашистские темы.

2. Ввести в практику работы всех театров создание постоянных бригад с современным репертуаром малых форм для обслуживания призывных пунктов и всех иных оборонных мероприятий.

3. В г. Орск с 15 июля до 1 сентября направить кукольный театр, а на сентябрь месяц направить областной театр оперетты, предложив исполкому горсовета обеспечить работу театра с финансированием за счет утвержденных на эту цель ассигнований.

В результате всех изменений в театральной сети Оренбуржья за год количество театров выросло и в общей сложности в их состав вошли: 1. Академический ордена Ленина Малый оперный театр; 2. Областной драматический театр имени Горького; 3. Областной театр оперетты; 4. Украинский театр имени Щепкина; 5. Орский передвижной рабочий театр; 6. Бузулукский колхозный театр; 7. Татарский колхозный театр; 8. Областной театр кукол; 9. Бугурусланский хозрасчетный драмколлектив; 10. Бузулукский хозрасчетный драмколлектив; 11. Колхозный театр эстрады; 12. Областной эстрадный театр.

В результате принятых мер при решающем участии партийных комитетов и исполнительных органов власти все эвакуированные объекты культуры, науки и образования сохранили должную работоспособность, необходимую для решения задач военного времени.

Научное издание

**РОССИЯ, ЕВРОПА И АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-
КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Материалы Международной конференции

(12 мая 2016 г.)

Ответственный редактор
И. А. Шебалин

Ведущий редактор
Е. В. Кондаева

Редактор
Г. А. Чумак

Подписано в печать 17.06.2016 г.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 6,25.
Тираж 40 экз. Заказ 32/1478.

**Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала)
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Оренбургский государственный университет»**

462403, г. Орск Оренбургской обл., пр. Мира, 15А